

С. БЕРДИНА

МЫШЦЫ

Ничто
мне так не
интересно,
как сесть в само
лет, и сломя голову,
мчаться куда-то,
особенно в Юго-Восточную
Азию,
и, задрав хвост,
рассматривать,
осознавать,
открывать,
и восторгаться!

Мир
так велик
и так
щедр...

Декабрь
2015г.

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Светлана БЕРЗИНА

ИЗМЫШЛИЗМЫ

Новеллы

Муза и Шиза выбирают избранных...

Новокузнецк
Издательство «Ник без Company»
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б 48

БЕРЗИНА Светлана Афанасьевна

Измьшлизмы : новеллы / Светлана Берзина ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк: «Ник без Сопрані», 2017. – 44 с.

БЕРЗИНА (Плеханова) **Светлана Афанасьевна** родилась 30 августа 1941 года в селе Нарым Томской области. Закончила Томское культпросветучилище и библиотечный факультет Кемеровского института культуры (оба – с красным дипломом). В Новокузнецке живёт с 1963 года. Работала в библиотеках города, затем была выбрана ответственным секретарём Новокузнецкого городского общества книголюбов. С конца 80-х годов стала работать художником и в 2016 году отметила 25-летие выставочной деятельности.

Организатор и долгое время вице-президент КЛФ «Контакт». Первая публикация – фантастические юморески из цикла «Господин Президент» и литературная иллюстрация к повести А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике» «Где-то лаяли собаки...» – в Альманахе клуба «Контакт» № 1 в 1986 году.

* * *

Неосознанно и смутно
Бродят разные желанья,
Зарождаясь на ладошках и
Играя на губах...
В мире тихо и спокойно,
Даль сиренева и знойна...
И лежу я на ромашке
Насекомое вполне.
Ветер что-то шепчет в губы –
Как слова земные губы!
И приносит мне букашка
Грамм нектара на крыле.
Я – ленива, я – красива,
Я сыта и молчалива
И на пальчике прелестном
Капля алая висит,
И, настроивая струны,
Чтоб зелёные ноктюрны,
Прозвучали здесь чудесно
Хор кузнечиков скрипит...

Поцелуй принца

Подъем в 4-30 утра, а в 5-00 мы сидели в автобусе. Поездка в город Далат начиналась сонно и вялотекуще.

Сразу же насмешила гид. Тоненькая и хиленькая ветка представилась Ниной Петровной и объявила на плохом, но понятном языке, что по русскому языку у неё были только пятерки.

На протяжении всей экскурсии она болтала без умолку, выкидывая такие словесные коленца, что мы то и дело покатывались от хохота.

Первая остановка автобуса была на кофейной плантации. Деревья показались необыкновенными (я первый раз видела растущий кофе) – все полностью усыпаны красно-зелёными ягодами. С утра уже стояла тридцатиградусная жара, а толстый слой песка и пыли покрывал всё – ветки, листья, плоды. Даже непонятно, как деревья умудрялись расти? Я попыталась пройти чуть дальше по плантации, чтобы увидеть там настоящую циветту, поедающую там самые крупные кофейные зерна... А вдруг я увижу этого чудесного зверька? Пыли и песка было столько много, что ноги увязали и проваливались в этой каше сразу, а то, что слетало с низко расположенных веток, сразу портило одежду. Но это не уменьшило моего восхищения от встречи с кофейными деревьями.

Маленькие саженцы, стоящие в отдалении, были трогательны и беззащитны, и видно было, что их никто не поливал. Даже никакой тропинки туда не было. Но ветка кофе – ценный натуральный материал – лежал около меня в автобусе.

Мы ехали долго, то засыпая, то просыпаясь, и болтовня пресловутой Нины Петровны порядком мешала нам. Она, оказывается, жила и училась в Екатеринбурге в России...

Показался сам город Далат, и то ли мы ехали по окраинам – никаких архитектурных изысков французского колониального стиля мы не увидели. Зато привезли в парк, очень живописный, с естественными потрясающими воображение водопадами, под которыми проходили пешеходные тропинки; гроты, подвесные мостики, загадочные башни, огромное задумчивое озеро – всё в испарениях водопадов. Природный ландшафт был хорошо сохранён и обустроен и это, действительно, поражало воображение!

На одном из перильцев у озера тихо сидел маленький лохматый вьетнамский йети. Задумчивый и какой-то печальный, так мне показалось, он молча смотрел на нескончаемый поток туристов, который ему явно осточертел... Я сфотографировала его, протянула ему 5 долларов для поднятия настроения. Он их взял без всякой проявленной радости и благодарности. А я жадно смотрела на его шкурку; эмоции, внезапно

нахлынувшие, вдруг захлестнули меня – с каким великим удовольствием я бы залезла в эту шкурку! Вот так бы и залезла и села на перила рядом с ним! Слилась бы со звуками этого чарующего мира! Остановило меня только то, что я страшно боялась подцепить какую-нибудь азиатскую заразу. А в голове вертелась дурацкая мысль: ты же в шкуре йети никогда не была, – и только большим усилием воли я заставила себя пойти дальше.

А дальше... я увидела указатель – «elephants», и я побежала туда, в гору, пропустив много интересного, боковым зрением увидев шикарную распродажу тропических цветов и орхидей.

Все мои спутники и спутницы пошли именно туда, а я скорее, скорее – где же они, мои дорогие слоны?

И вот наконец я увидела слонов, сразу забыла про людей и про всё человечество в целом. Только они, эти ушастые серые гиганты, дремлющие под тропическим солнцем, привлекали всё моё внимание, и радость заполнила всё моё существо! Оказывается, я их так любила! Я ринулась на посадочную площадку, очереди не было, и через несколько мгновений я сидела на слоне. Это был божественный экстаз соединения с чем-то древним-древним... Хатхи. Такое имя носят слоны Индии. А из наших больше никто не поехал кататься – вот так финт! Непостижимо...

Равномерное покачивание и потряхивание – и вот мы уже удаляемся от гомонящей толпы. Восторженная эмоция, можно сказать, дурацкая, переполняет меня. Мне хочется обнять слона и прошептать ему на ухо самые нежные слова любви и благодарности. Слон ещё молодой, небольшой, не такой как в Таиланде – там они громадины, – шумно плюхается в ручей. Я, естественно, тоже лечу вниз, едва успевая схватиться за ручки сиденья. Бредём по ручью... Я готова ехать хоть на край света, лишь бы на слоне.

– Madam, madam, look at me! – кричит вьетнамский оператор, сопровождая нас по берегу и записывая эту ОПУПЕЮ на видео.

Очень быстро, чересчур быстро, мы вернулись обратно.

Эмоции всё ещё переполняли меня, и тут подвернулся чёрный страус! Он был не такой ухоженный и пышный как на китайском Хайнане, сзади под седлом перья были почему-то выщипаны, но пока я всё это рассматривала и отмечала про себя, страус равномерно вышагивал по песчаному загону, а я горделиво восседала на этой пуховой подушке. И мы оба, или обе – ведь я не знала, на ком сижу, – равномерно прошагали два круга, и гендерные сомнения все улетели с окончанием выездки. Дальше хотела ехать Наташа Рудакова, наша милая знакомая, москвичка, но этот страус ущипнул и укусил её – она была толстая и тяжёлая...

Довольная и счастливая, я без сожаления расплатилась за поездки: 300 донгов за слона, 100 донгов за птицу и 600 донгов за 2 диска видео. Счастья купила на 1500 наших рублей!

Далее пресловутая Нина Петровна объявила, что ведёт нас на крокодиловую ферму. Мы шли какими-то путями – то дорожками по садам и паркам, довольные тем, что всё вокруг было зелёным и

ухоженным, то большим песчаным пространством непонятного назначения... Она рассказывала какую-то старинную легенду, но так плохо по-русски, что звуки просто летели мимо меня, наполняя воздух будто бы птичьим щебетанием...

– Чего я раздражаюсь? – подумала я. – Ведь она, Нина Петровна, – частичка этого восхитительного мира!

Неожиданно, на одном из поворотов парка, она подвела нас к дереву и сказала:

– Это кешью.

Дерево было необыкновенным – и с первого, и со второго взгляда... На ветках были... стручки... и каждый заканчивался красивым яблочком, немного гранёным, жёлто-розовым, как и положено быть яблочку. На солнце дерево ослепительно блестело, а самые крупные яблочки мерцали как будто на них были надеты маленькие золотые диадемы...

– Какое же ты красивое, нет-нет, какой же ты красивый, – неожиданно вырвалось у меня, совершенно очарованной этим деревом.

– Спасибо, существо, за комплимент, а то я уж подумал, что восхищений не услышу никогда, хотя вы меня всего уже захватили руками, – прозвучал тихий шелест.

«Перегрелась на солнце», – подумала я, натянула глубже шляпу и достала бутылочку с водой

– Не выдумывайте ничего лишнего, существо. Перед вами – принц Кешью, и я властелин всех растений и деревьев Большой Восточной и Западной горы.

«Ну и дела!» – закружились дурацкие мысли в моей голове, но отчётливо ощущалось, что она была – абсолютно пустой.

– Какие-такие у вас дела? Ходите тут, траву топчите, ветки ломаете, плоды рвёте, разве так можно? Да, кстати, почему вы, существо, не зелёное, а бело-голубое?

– Почему я не зелёная? – никак не могла сообразить я. – Да это же моя одежда такая!

– Что ещё за одежда? Листва, что ли? Или соцветия? И когда вы её сбрасываете, поздней осенью, как мы?

– Нет, сбрасываем каждый день, чаще всего вечером...

В разговоре наступила пауза, я пыталась осмыслить всё это, но кто-то отчётливо копался в моих мозгах... И моё восхищение деревом всё нарастало...

– Пожалуйста, повернитесь, существо! – скомандовал Принц. – Ещё... Ещё... А вы мне нравитесь... Только меня смущает приспособление, надетое на ваши глаза... Зачем оно?

– Это очки, – небрежно отвечала я, потому что всё моё женское естество внутри меня ликовало: «Я ему нравлюсь! Я ему нравлюсь!» и откровенно и похотливо виляло несуществующим хвостом. Я поворачивалась, вставляла на цыпочки, отставляла ножку...

– Отлично! Отлично! Вы мне подходите! Приглашаю Вас расти на моей плантации, недалеко от меня, по второй линии.

– Я согласна! Я согласна! – лепетала я, а хвост мой по-прежнему бессовестно вилял.

– А откуда вы? С какой горы или из какой долины?

– Я из Сибири, – ляпнула я и сразу же повторила по-английски: «I am Sibirien», не знаю зачем.

– Никогда даже не слышал о таком месте... Сам я из далёкой Бразилии, примерно я знаю, где это. Имеет это какое-нибудь значение для нас с вами?

– Конечно, имеет. Я там живу всегда. Сейчас у нас зима и много-много снега, холодно очень, поэтому я здесь, на экскурсии и встретила Вас, мой принц!

– Как у вас, у приматов, всё сложно! Живёте там, где холодно, путешествуете здесь, где жарко, влюбляетесь на горе...

Откуда он знает, что я примат? Самое высокоорганизованное создание на планете, по нашему мнению... И что он мне люб...

– Да я уж давно всё определил и даже то, что вы – особь женского пола, самка, поэтому и пригласил вас на свою плантацию.

– Да не самка я, а – женщина! – несмело возразила я надменному повелителю. – А откуда вы знаете, что вы из Бразилии?

– К нам прилетают муссоны и пассаты, танцуют вместе с нами, многое нам рассказывают, но о Сибири никогда не упоминали даже.

– Света, Света, где ты? Вот очень спелый орех, возьми его, если хочешь, – нежно прозвучал голос Елены, и горячая рука положила тёплый плод прямо в ладонь. Орех и впрямь был тёмно-коричневым, сухим и тёплым. Я обтёрла его платочком, помяла пальцами, шкурка никак не очищалась, повертела-повертела плод-стручок – и сунула его в рот... Кусала-кусала, раскусить и съесть орех никак не могла, торопилась говорить с моим властелином – и выплюнула плод в мусорницу.

– Господин, Вы где? – хвост подобострастно продолжал вилять.

– Съели мой орех? Я наполнил его самыми вкусными эманациями и любовью. Приходите поздней осенью, самой поздней осенью на Западную гору, я уже послал туда свои семена с попутным ветром. Я услышал, что вас зовут Свет, не зря я вас пригласил к себе, нам, деревьям, Свет особенно нужен, наш фотосинтез происходит только на свету, вы меня понимаете?

Группа собиралась идти дальше, и меня начали звать и торопить. А ноги мои не шли, сердечные нити тянулись к самой верхушке дерева, и неизвестно, чем бы это всё закончилось, но рот мой стал сильно гореть, нёбо и губы сразу облезли, нижняя губа отяжелела и распухла, потекла обильная слюна, сильно кружилась голова... Расстроенная, я судорожно вытирала рот, но это не помогало, мне стало очень плохо. Я еле держалась на ногах и не понимала, что случилось со мной.

– Я вас на прощанье поцеловал, женщина. И теперь я знаю, что осенью вы придёте, – прошелестело у меня в ушах. – До встречи!

А рот всё горел и горел, ноги еле волочились, а зеркальце показало сильнейший ожог и покраснение, даже кровь. Хорошо, что друзья поддерживали и помогали идти. Тут оказалось, что ещё одна женщина, москвичка Оля, была поцелована принцем Кешью и, так же как я, мучилась сильнейшим ожогом...

Ночью в гостинице я почти не спала, болел рот, подбородок и шея, и никакие полоскания не помогали. Наутро красная широкая вертикальная полоса разделила нижнюю часть моего лица почти наполовину. Одна половина всё ещё принадлежала мне, другая, естественно, ему, моему господину, и коросту свою я носила гордо, как особую регалию.

Мой массажист, маленький вьет по имени Мэй, спросил: «Мадам, байк?» И указал на мой подбородок, думая, что я упала.

– Меня укусил Кешью.

Я постеснялась почему-то сказать – «поцеловал», не знаю, почему. Он засмеялся, и видно было, что ничего не понял из моего ответа.

Время быстротечно... Вот уж мы в самолете, возможно, пролетаем над Восточной горой... Стало сладко-сладко...

Так в коросте я приехала домой в Новокузнецк.

– Мама, мамочка, что это с тобой? Что случилось? – зашебетали наперебой мои любимые кошки, внимательно обнюхивая мой обезображенный подбородок.

– Меня во Вьетнаме поцеловал принц Кешью, это его царственный знак, видите? Буква «К» на шее?

– Какой ещё Кешью? – дружно зашипели обе кошки. – Господи Боже, кошачий Авалокитешвара, только отбились от одного, уже другой поцеловал!

Я сейчас же замолчала, поражённая, что всё кошки знают, всё замечают и понимают все, даже минутные, человеческие слабости, хотя они были проявлены год назад.

– Мама, мамочка, мы решили, что больше никуда тебя отпускать не будем, – категорично заявил Фант, мой старший кот, и, поскольку, пристыженная, я молчала, нежненько запищала младшенькая моя, молчунья Феечка. – Мы сами будем тебя целовать!

Против такой кошачьей логики у меня аргументов не было. Я не стала говорить им, что принц Кешью – это дерево. Кошки мои были моей настоящей семьёй на все оставшиеся мне годы. Единственными.

– Простите меня, кошки! – тихо ответила я.

Спустя час эта троица крепко и счастливо спала.

P.S. Идёт март... Муссоны, а может, и другие ветры прилетели сюда. Надеюсь, что по повелению принца разыскивают меня... А поцелуй всё ещё отчётливо заметен.

Вьетнам, Муй-Нэ – Новокузнецк
5-8 марта 2013 г.

Amore

Я сидела на испанском побережье Средиземного моря, в Коста-Дорадо, ночью. Обняв колени руками, я слушала звуки и шум моря. Сегодня оно было очень сердитым, шумным и завывающим. Огромный массив отеля «Камбрилс» находился за спиной и тихо спал, лишь кое-где светились окна.

Холодный ветер, казалось, проникал всюду и гнал резкие и хлесткие песчинки. Что привело меня сюда ночью? – я не знала. Смутное ожидание чего-то держало меня на пляже, и я вслушивалась в ночные звуки. Было только море, остальные звуки спали.

– Шшшш... Шшшш... Шшшш... Та-та-тат... утхм... (ещё тише) утхм... – море отступало куда-то далеко, его не было видно, оставалась мусть и неясность, всё это висело и колыхалось, и звуки быстро возвращались обратно, ещё громче ревя и пристукивая неизвестно чем: шарк-шарк-гум-гум-гум-ша-а-а, ша-а-а... Что-то в этих звуках было, наверное, обращённое ко мне, потому что я упорно сидела на берегу, замёрзшая и продрогшая.

– Шшшто сидишь? Шшшто сидишь? Шшто сидишь, шшшчеловек? – вдруг почудилось мне в этих звуках, и я вся превратилась в слух.

– Шшспрашиваю, шшто сидишь? Шшто сидишь? Шшто не спишь-шш-шш? Шшслышишь меня? – отчётливо спросило море

– Не чудится мне? Слышу, слышу Вас, продолжайте, пожалуйста.

– Не чудится. Я рад собеседнику, со мной мало кто из людей разговаривает – всё вас качай, да купай, да вози, одна суета, особенно утомляют мамы с детишками. Детишки ещё ничего бы, несмышлёныши, а вот мамы – то курят, то пиво пьют, то матерятся, особенно русские да немцы! Устаю я от них, но делать нечего, они же всё равно лезут в воду! Сейчас я специально холодный и ветреный, отдыхаю от них.

– Вот даже как! Я приехала из Сибири, погреться, понежиться в волнах, полежать на песочке, а ты от людей отдохнуть вздумал!.. Значит, и от меня!

Я как-то незаметно для себя перешла на мужской род и на ты:

– Говорят, что в Испании 70 лет не было такой холодной погоды, и обидно, что этот период попал на меня.

– Я сказал, отдыхаю – и всё! И так вы, люди, меня забаламутили всего. Не знаю, к какому берегу бросаться! В Египте – мятежи, в Восточной части берега – постоянная война! Святую землю делите не одно десятилетие, опять же африканское побережье бурлит и выкидывает во все страны беженцев, которые слоняются по всем мало-мальским обустроенным пляжам, не имея ни дома, ни крова, ни работы.

– Однако ты хорошо осведомлён событиями людской жизни! Я представляла, что ты сам по себе, катишь и катишь свои волны миллионы лет, а ты всё знаешь – названия стран, слова: беженцы, дом, кров, пиво, материки – совершенно людские понятия! Ты что же, живёшь жизнью людей?

– Ни за что... Жизнь у меня своя, хлопотливая, забот и обязанностей много, но жизнь людей я знаю хорошо, всё время контакты с ними, то

путешествуют они, то строят, то летают надо мной, и всё время загрязняют меня, беда! Вот вчера в Гибралтаре, сгоряча я перевернул большое судно, оказалось, что танкер – нефть разлилась до самого Марокко, всё теперь нужно вычищать, потому что люди плохо чистят...

– А как же чистишь ты? – мне стало особенно интересно. Диалог был связным, чувствовалась правота собеседника, и разговор вышел даже на техногенный уровень.

– Я соберу 1000 шерстистых крабов с тропическими губками, пусть моют, собирают нефть и грязь на свои шерстинки, pošлю пиний благородных с их маленькими крабиками-чистильщиками, нужно будет, добавим другой живности, они всё облагородят, посадят красивых и чистоплотных актиний и другую цветистую морскую красоту, станет ещё лучше. Но за всем нужно следить самому.

– Так просто, не верится даже.

– Это на словах просто, а на деле – все спешат улизнуть по своим делам, даже крабы, даже оседлые губки! Никто не любит общественные работы, особенно, нефтяные разливы.

– У нас у людей также.

– Да знаю я, как у вас, у людей, – одни беспорядки. Вот в Египте, затопили бронетехнику у берегов, вместо того, чтобы утопить одного Мурсия, что теперь с ней делать? Будет сотни лет лежать, гнить ну и, естественно, выделять токсины, портить мне ландшафт. Я, конечно, их накажу: ураганы, тайфуны и наводнения – всё придётся применить! Но пострадают обыкновенные люди, а военные, которые это сделали, – отсидаются в своих дворцах... Такие вы люди...

– Ну, не надо всех людей сюда примешивать, те, что лежат здесь у вас на пляжах, абсолютно ни причём.

В разговоре наступила некая пауза, будто каждый осмысливал сказанное.

– А Сибирь вашу я знаю хорошо и знаю, где она! Там у меня в Сибири даже родственник есть – Байкал, знаете такого?

– Конечно, знаю, – заволновалась я от такой неожиданной перемены темы. – Я на Байкале была и даже купалась. Тогда тоже была холодина с ветром – как у вас здесь, на юге, и обжигающая холодная вода. Только я была молодой и горячей, поэтому и полезла купаться. Но воспоминания, как видите, остались!

– Мы с ним редко общаемся, он – хвастун, вечно хвастается – единственный, пресноводный, самый глубокий, байкальских нерп разводит, песни поёт про свою Ангару, принцессу, остров Ольхон – самый красивый в мире, и так далее в этом же роде. Слушать его быстро надоедает. А с ним мы братья троюродные – отец наш, мировой океан Тетис был женат на его матери, смуглолицей гуранке, исключительной красавице и охотнице, но это было давным-давно, он уже и сам не помнит, когда...

– Слушайте, как здорово! Я бы сидела здесь и сидела, слушала бы и слушала... Время пролетело быстро, уже светать начинает, видите, вон там?

– Да знаю я, где у меня солнце всходит, что вы мне показываете! А если вы не совсем замёрзли – расскажу я вам свою тайну. Знаете страну Черногорию? Малюсенькая такая, там у меня небольшое море – Адриатическое, знаете?

– Знаю, конечно, по географии у меня были пятёрки.

– Да подите вы, со своими пятёрками... Тоже мне, знаток, вы что, сибиряки, все хвастуны?

– Ой, простите меня, пожалуйста, вырвалось нечаянно. Рассказывайте, рассказывайте!

– Если вы совсем замёрзли, давайте я вас утоплю, омоложу минералами Мёртвого моря, помещу в свои тёплые апартаменты – там и согреетесь! Что вы вскочили, эй, шшшчеловек, я пошутил! Эй, эй, вернитесь! Если бы я хотел это сделать – я бы давно вызвал уборщиков, но я же этого не сделал, сегодня я склонен к беседе... Ну садитесь снова, как вы сидели (так вы мне ближе), я рассмотрел вас со всех сторон – маленькая пожилая женщина, но, слава Посейдону, умеющая слушать и не курите!

– Вы больше так не шутите, ладно? А то я от страха вся трясусь, и очарование от вас поубавилось!

– Эх, людишки! Слабые вы... Мои могучие силы кипят и бурлят миллионы лет, а я всё ещё не старый, сотворил в любви и нежности 20 новых видов рыб, жили они только в Красном море – теперь жируют у меня. А от вас ничего не произведёшь – одни отходы... Да ладно, что-то разворчался я, правда, старый стал. Всё же вы, люди, входите в мою экосистему, только переделать вас я не могу!

– Да и не надо нас переделывать! Мы такие сотворены Создателем.

– Поспешил он, Создатель! Всё продумал, всё додумал, а с вами – промашка! Ну, так я возвращаюсь к своей сокровенной тайне.

– На берегу Адриатики в рыбацкой деревушке родилась девчушка необыкновенной красоты, может, это сама Афродита согрешила, только не созналась. Росла она быстро, и к 16 годам расцвела как прекрасный цветок, диковинный и нежный, волосы у неё были совсем светлые, как у Афродиты, хотя все черногорцы – тёмные. Тогда-то я её и полюбил, полюбил страстно со всей своей могучей необузданностью и стихийностью, хотя с ней я был предельно нежен, подкатывался тихо и тонко, исполнял самые лучшие свои песни, дарил ей самые красивые жемчужины. Подарил перламутровую тридакму, наверное, 35 килограммов веса, она – единственная в мире такая: чтобы в ней она удобно сидела. Всё это нравилось ей, она принимала мои знаки внимания с удовольствием. Мои дельфины и акулы загоняли в их сети столько жирной и отборной рыбы, что её отец и братья были довольны нашей дружбой, стали поправлять свои торговые дела, купили новую хорошую лодку, снасти и наняли батраков. Каждый вечер я спешил к ней после дневных трудов, утомлённый и взволнованный, хотел ласкать её ноги, посылать ей красивые губки и

кораллы. В один из тихих прекрасных и задумчивых вечеров я предложил ей руку и сердце... Своё неистовое сердце!

Она отказала – сразу и решительно. Обескураженный и раздосадованный, я предложил ей сначала всё хорошенько обдумать, как водится у людей – она ответила, что думать не будет, нет, не пойдёт она замуж за море, хоть и такое замечательное, пойдёт замуж за человека.

– Это за какого же такого человека? – спросил я сгоряча.

Она ответила, что за рыбака по имени Марко, он тоже сделал ей предложение. Я знал этого Марко: так, по сравнению со мной – козявка плюгавенькая, ходит вечно в обносках, улов у него всегда маленький, не то что у меня: почти 4 миллиона кубических километров воды, в которых только рыб почти 600 видов, акулы, дельфины, скаты и прочая живность, и всему этому я – полновластный хозяин! Уж если на то пошло – сколько у меня прекрасных вилл, дворцов, мечетей и минаретов – всё в прекрасной сохранности, катера и корабли, яхты и парусники – владей всем этим, пожалуйста, всё к твоим ногам.!

Она улыбнулась и ещё раз сказала: «нет», повернулась и пошла прочь.

Гнев наполнил меня мгновенно, и, не сознавая, что делаю, я хлестанул её волной и мгновенно уволок её в пучину, кипя и бурля от негодования. Она захлебнулась сразу, помертвела и стала недвижимой. Долго я её носил по тайным закоулкам, пока не осознал, что я её убил, она мертва, и улыбка никогда не вернётся на её прекрасные уста. Я плакал неистово, горе нарастало с каждой новой волной, я чувствовал себя оскорблённым и опустошённым, и никто мне не мог помочь. Упав на своё собственное дно под Критом, долго целовал её безжизненные уста и гладил прекрасные волосы...

Мои морские обитатели потихоньку приблизились ко мне и в период временного затишья попросили утихомириться и смириться. Оказывается, у моих обитателей дела шли из рук вон плохо – в гневе я перебил все большие раковины, отломал от Африки огромный кусок с остров величиной, у испанского побережья затопил остров Майорку, а пролив Дарданеллы забросал огромными камнями, и он стал не судоходным. А сколько утопил кораблей и суденышек – ещё не успели подсчитать!

Они приняли у меня девушку и сказали, что приготовят ей замечательный некрополь и тогда позовут меня. Мне было теперь всё равно, я был опустошён и измождён собственным горем, но я был ответственен за судьбы всех морских жителей, людских стран и их дел. Экосистема была внутри меня, и я должен был восстановить её. Когда я, обессиленный, вынырнул на поверхность – ровно светило солнце, резвились маленькие рыбёшки и только крабы торопливо уносили от меня ноги. Я лёг на пляже отдыхать и обдумывать случившееся и только тогда понял, что лежу я не где-нибудь, а в Черногории, на том самом месте, где сидела моя возлюбленная. На её камне – моей большой перламутровой тридакны уже не было, видимо, я её смыл во время урагана – сидел обыкновенный рыбак, печальный Марко. Он громко

вздыхал, смотрел вдаль, а по лицу катились слёзы. Я-то знал им цену, этим мужским слезам, сам неделю рыдал! Я не стал его трогать, и так я натворил достаточно бед, теперь нужно было всё это расхлёбывать. Я выкатил к его ногам золотой самородок, примерно на полкило, и откатился назад. Он всё понял и с остервенением пнул его обратно. Мы гоняли этот самородок туда-сюда, пока не пришёл отец девушки, который сразу же его подобрал. Я понял, что он смирился.

Прошло много веков... Поколение рыбаков рождалось и умирало, но обязательно одного называли Марко, даже сегодня есть Марко, но он уехал из деревни и стал всемирно известным волейболистом.

– Да, я знаю его, это Марко Подровчанин, я много лет за него болею, он же никогда не улыбается, и теперь я догадываюсь, почему!

– Да бог с ним, с Марко! А девушки такой красоты ни разу не было! Боги пристыдили Афродиту!

Мою девушку устроили отлично, очистили от ила греческий дворец, забальзамировали минералами Мёртвого моря, поместили вокруг неё египетских жрецов и евнухов, засадили всё пиниями и актиниями, засыпали пол дворца вместо песка жемчугом, один зал – розовым, другой – белым, третий – чёрным, выстелили перламутровыми бордюрами и золотыми самородками. А саму красавицу расположили в гамаке из самого тонкого биссуса, его люди покупают по 10 тысяч евро за грамм, если достанут его у меня, а платье надели самой Клеопатры, в котором она встречала Антония. Я редко заплываю к ней, весь мой пыл угас, и вся моя любовь прошла, перечёркнутая страшным преступлением... Я мечтал о детишках – таких кудлатых и косматых, как я, только беленьких. Посадил бы их в моря – управлять ими: старшего – в Ионическое, среднего – в Эгейское, младшего – в Мраморное, следующего – в Лигурийское, ещё одного – в Тирренское, а девочку, дочку, послал бы в Адриатику, пусть там всегда будет тихо и спокойно.

– Ш-ш-ш, ты что замолчала, шшшенщина? Что замолчала? Ш-ш-ш-совсем замерзла?

– Да, я замерзла окончательно, но я потрясена твоим рассказом, и утром ты не кажешься мне таким страшным и деспотичным. Вполне милое море! Только холодное!

– Заладила: холодное, холодное! Я же специально, отдыхаю от вас, от людей! Ну так и быть, за твоё терпение я подарю тебе 2 тёплых дня, согревайся. А если захочешь всё же утопиться – кинь эту ракушку в меня!

Море выкатило к моим ногам маленькую красивую ракушечку и отползло назад с тихим шипением.

– Не захочу, не захочу, – поспешила ответить я, даже замахав руками.

– Все вы люди одинаковы, вот и она также руками замахала на меня! А что ты плачешь? Чего плачешь? Я и так наказан одиночеством! За последнее тысячелетие – единственный разговор с тобой... Спасибо, что выслушала...

На следующий день было жарко, и я поняла, что ОН сдержал своё слово... На море полно людей, гомонящих, кричащих, почти все женщины курят, несмотря на детей. Моя спутница, Лариса, даже искупалась, хотя море было очень холодным. Я лежала на песке, горячем до пота, и думала, с кем же я разговаривала ночью?

Ни лица, ни рта, ни зубов, хотя зубы, наверное есть... История, что называется, с географией...

Испания, Коста-Дорадо, Камбрилс – Новокузнецк
Июль 2013 г.

Лужа счастья

Я лежала в луже, очень интересной – цветной, многослойной и доброжелательной, но, к сожалению, небольшой. Нижний слой – сантиметров 20-30 – был рыхлым, вкусным и жёлто-медовым. Обтекал, обволакивал, релаксировал... растворял...

Второй снизу был розово-жёлтым, нежным и пах восхитительной папайей. Потом был слой розовой субстанции, самый большой, самый вкусный и омолаживающий. А верхний слой – густого оранжевого цвета, цвета летнего солнца.

Как я оказалась в этой луже, я не знала, но интуитивно чувствовала, что это было приготовлено всё для меня. Лежала я вроде на спине и как-то видела и ощущала все эти слои, и мне больше ничего не хотелось. Нирвана...

Вдруг у моей Лужи заблестели глазки – их было много, они были хитренькими и ласково поглядывали на меня, блестя своими жемчужинками.

– Что ты хочешь? – спрашивали они

Я не хотела ничего, но почему-то брякнула:

– Мужчину

Мужчина появился мгновенно, и я поняла, что моя Лужа – волшебница.

Это был большой и крупный Ангел в белых одеждах и в белых перьях. Глаза необыкновенной красоты выделялись на смуглом южном лице, рот красиво очерчен по законам античности, белоснежные сандалии были одеты на ноги безупречной красоты, ноги самого Аполлона. Руки сложены в молитвенном экстазе. Я подумала: «Как до него такого дотронуться? Испачкаю всего жёлтым и оранжевым, а как отмою?» «Гайда» с собой не было. Ангел наклонился надо мной, зачерпнул меня ладонями, поднял на уровень своей груди и начал проповедовать. Издалека, томно, забрасывая меня евангельскими цитатами. Меня же клонило ко сну, и библейские рассказы нисколько не трогали меня, бездарную атеистку и немножко буддистку. Я поняла, что я его не достойна и тихо шепнула Луже:

– Убери.

Ангел растаял...

Я лежала в своём волшебном корыте и растекалась во всех слоях, а папаевый начала жадно есть. Сок бежал по всем мышцам и кровеносным сосудам – минуя желудок. Нирвана продолжала поглощать меня...

– Ещё мужчину? – тихо спросила моя волшебница

Я еле кивнула: «Обыкновенного ботаника».

Он шёл издали, с большим рюкзаком и фотоаппаратом на шее, подошёл, зачем-то заглянул в мою лужу и начал фотографировать – и так, и этак, деловито и без суеты, как будто каждый день снимал разноцветные лужи с растворёнными в них женщинами. А мы ждали – дальше что?

– Света, я сфотографировал очень красивые пионы, хочешь посмотреть?

Я смотреть не хотела, я хотела держать эти пионы в руках, а потом подарить их своей Луже, пусть любитесь! Мы обе потеряли к нему интерес, он это понял и ушёл, говоря, что ему нужно сбегать ещё в три места.

– Пусть бежит, – шепнула я своей волшебнице.

– Давай, пригони тебе художника! – настаивала она

– Давай, – я сопротивлялась вяло и недолго

Неожиданно появился Сережка, наш новокузнецкий художник с наглыми голубыми глазами, похотливой улыбкой и... в набедренной повязке. Почему именно он? Я не хотела понимать. Такого поворота мы, естественно, не ожидали, даже застеснялись смотреть в его сторону, потому что под тонкой тканью ощутимо было видно его мужское достоинство. А нам оно было ни к чему, мы и так лежали в шоколаде!

– Да я только что из Мексики, – начал объяснять он, – а почему ты не рисуешь?

– Рисую – вкусами и ощущениями, небесными красками – Мандалу.

– Ну, ты как всегда, в каких-то эмпиреях, кто ж тебя туда забросил?

Я не успела ничего ответить, как увидела, что возле нас с Лужей выросло дерево боддхи, заслоняя нас от солнца и высыхания. Я «потаскилась», и мне неохота было объяснять Сережке, кто такой кудесник и чародей, создавшей для меня этот тантрический оазис. Сережка потускнел и исчез.

Через некоторое время я заскучала и сказала:

– Давай какую-нибудь хрень.

Хрень появилась на трёх кривых ногах, с большим жадным пузом, курила вонючую сигару и через плечо небрежно перебрасывала мой голубой шарф, недавно купленный на кровные евро в Испании. Откуда он или она его взяла – было абсолютно непонятно. Хрень рыгнула, выплюнула в сторону, слава богу, бетель и спросила, не подвинусь ли я, она бы тоже попарилась в этой баньке. Такого разворота я не ожидала – мне самой было маловато и тесновато в этой лужице, а тут ещё рядом 3 ноги улягутся! Да и вообще – Ангелу отказала, а тут какая-то подзаборная хрень будет валяться со мной рядом! Это было слишком! Я вышла из состояния боддхи,

вернулась в своё человеческое и без всякой злости и раздражения сама закрыла хрень. И слова такого больше не буду упоминать!

Моя любимая Лужица согласилась со мной безоговорочно. Мы лежали обнявшись: я – её, она – моя, и никаких звуков и действий не осуществляли. Вдруг недалеко от меня, надулся небольшой пузырь, который стал расти, расти и вдруг – пукнул! Аромат был такой божественный, никакие духи, даже «Бритни Спирсы» французские, не шли в счёт.

– Что такое ты сделала? – совсем разомлевшая спросила я

– Я вообще-то произвожу ароматы, это моя основная специализация. А мужчины и их копии – побочное занятие, клонирование меня мало интересует, это я только для тебя сделала.

– За что же мне такой подарок, дорогая?

– А подарки даются без объяснения, бери, ощущай и пользуйся. Храни их в себе, дари, если хочешь, подарок нужно принять и понять его. Сегодня ты была безупречной.

В ушах у меня зазвенело – речной... речной... – тело полетело в астрал, и я отчетливо увидела свою серебряную нить. Она была чистой и незамутнённой, терпеливо ожидая возврата хозяйки.

– Спасибо, спасибо, Лужа, – мелькнуло где-то в подсознании.

– Кушай на здоровье! – беззвучный ответ промелькнул белыми буквами на фоне Астрала.

Утром в этот мир возвращаться не хотелось, но я жила в нём, мечтала и рисовала.

– Помоги мне, Лужа, жить в гармонии, – тихо попросила я.

– Конечно, помогу, но помни, что главный помощник – это ты сама, как ты ощущаешь мир, так он к тебе и поворачивается! – прошелестело за открытым окном.

– К кому она полетела? – подумала я без всякой зависти.

Новокузнецк
16 июля 2013 г.

Обыкновенная история

В ларьке на полке в подземном переходе Левого берега лежали арбузы. Лежали в полной отрешённости и задумчивости. Людская суета их нисколько не занимала, даже рубли и сотни, текущие в карманы их хозяина, расторопного таджика, не волновали их. Они немного оживлялись, когда при покупке очередного арбуза назывался вес – это было для них привычно и чем-то вроде игры – кто больше и тяжелей.

Один из них, не очень большой, по имени Курманберды, сильно тосковал... Тосковал по своей солнечной бахче, чистому воздуху и по

тёплой и уютной мамке, любимой мамке. Он рос сильным и счастливым малышом, светло-зелёным, красивеньким, вечно голодным, как и положено быть растущим мальчишкам, и ни о чём не горевал.

Мамка, тёплая, толстая, добродушная и круглая, всегда была рядом, всегда следила за ним и опекала сына. Нежно гладила его по круглым бочкам, особенно по утрам, и объявляла всем соседям: «Это мой первенец!»

Берды рос быстро, как на дрожжах, и потихоньку отодвигался от мамки. У него была своя, детская игра – дотянуться до соседнего арбузёнка и крепко стукнуться с ним лбами, но так, чтобы взрослые не заметили и не накричали на них. Это было совсем не просто, потому что мамки наблюдали за ними неусыпно, несмотря на то, что болтали беспрестанно. Болтовня была обыкновенная, деревенская – кто откуда родом, у какой соседки случился тепловой удар, кто из Бухары, кто из Самарканда, кто из других мест, не таких значительных. Однажды мальчишки заигрались. Плети их запутались-перепутались, листья их помялись, а на лбах были сильные отметины, у одного даже текло из бока – сладкий арбузный сок! Тут Берды и обнаружил, что он весь полон сладкого-пресладкого сока, в котором нежились маленькие семечки. Разняли и растащили их мамки, наподдавали по задним частям, а мамка Курманберды выкопала небольшое углубление в земле и положила туда своего беспокойного сына – вдруг куда убежит?

И не напрасно беспокоилась, потому что Берды стал заглядываться на девочку, добро бы на арбузиху, а он стал заглядываться на оранжевую Тыковку, у которой смешно во все стороны торчали растрёпанные косички-листья. Она висела на заборе неподалеку, вместе со своими сородичами, которых было великое множество, и громко ругалась с воронами. Большие и наглые птицы садились на их семейный забор, чистили перья, каркали и гомонили, норовя клюнуть тыкву в бок. Тыквы терпели их только за то, что вороны тут же и оправлялись, удобряя землю отличнейшим помётом.

У девочки были огромные красивые глазки, которые успевали заметить всё – и проходящего работника бахчи, и расцветший неподалёку подсолнух, и собаку, которая охраняла бахчу. К ней у всех растений бахчи отношение было особенное. Старая Жучка, вечно голодная, добросовестно служила хозяину много лет. Сколько поколений арбузов выросло здесь – все её помнили как тихое незлобивое создание, но тщательно стерегущее от посторонних бахчу.

Жизнь текла неторопливо, и Берды никак не понимал мамку, которая вздыхала и твердила: «Растёт ребёночек! Жаль, что у нас – один сезон...»

Берды обнаружил, что умеет заглядывать в себя – проверять, какой он красный, сколько в нём сока и сколько родил семечек – это было особенно важно, хотя он не задумывался, почему. Характер его постепенно менялся – он стал много дремать, тихо посапывать, совсем отодвинулся от матери и приблизился к группе самцов. Они были тёмно-полосатые, огромные, неразговорчивые и много курили. Конопля росла

тут же. Они скручивали сухие листочки в тугие трубочки, эти трубочки особым образом зажигали от солнца – у них был припрятан осколочек зеркальца с прошлого года – и обсуждали мировые проблемы. Вот их было интересно слушать, узнавать, что есть странная страна Боливия, что в ней тоже растут растения и одно из них особенное – кофе, которое выращивают, а затем мелют и пьют люди. Последнее было конечно непонятно, хотя все арбузы тоже любили пить, но только воду, а чтобы кофе – нет упаси аллах! ни за что!

Однажды поздней осенью случилась большая беда – с утра пришло много людей, стали собирать арбузы и грузить их в большой и грязный грузовик. Курманберды сразу же потерял мать; растерянный и придавленный соседями, он тихо лежал на дне машины, не понимая ничего. А люди шумно радовались: «Хороший сезон, хороший сезон!» Тогда-то он и вспомнил, что мамка тоже что-то говорила про сезон, но эти два события он никак не мог увязать в своей арбузьеё голове. Стало невыносимо душно, машина зарычала и куда-то поехала. Хорошо, что он потерял сознание и очнулся только на полке овощного ларька.

Жизнь полетела кувырком...

Подошли две красивые тётки, называли друг друга – Светка и Ирка, купили его за 126 рублей, весом он оказался почти 7 килограммов, небольшой, по арбузным меркам, положили в пакет и куда-то поволокли, говорили при этом про какую-то выставку и он обрадовался, думая, что его несут на выставку. «Наверное, на ВДНХ», – промелькнуло в его голове. Так говорили мужики на родной бахче. Это считалось самым высшим достижением – попасть на ВДНХ! Однако он попал в квартиру на шестом этаже. Его вымыли, впервые в жизни, обтёрли сухим и чистым полотенцем – это ему понравилось – и положили на красивое розовое блюдо. Он был в центре внимания, как на родной бахче. «Эх, мамку бы рядом! – подумалось ему. – Вот бы погордилась сыночком!» Тётки радостно гомонили, совсем как знакомые вороны, и арбуз немного повеселел: «Может, начнётся другая жизнь? Ещё один сезон?»

Он уже совсем было собрался вступить в разговор с тётками, чтобы сообщить им, что он – ягода, сладкая и вкусная, у него много чёрных семечек, и на каждом из них он нарисовал свой портрет: пусть детишки будут как он – красивыми и вкусными! Тут одна из них взяла в руки большой нож. Он хорошо знал, что такое нож.

– Что она собирается делать? – мелькнул вопрос, но неожиданно нож воткнулся в бок. Арбуз тихонько, но отчётливо треснул и развалился, опять потеряв сознание...

Тётки ели арбуз ложками, сладко вытирали губы, отдыхали и ели дальше. Хорошо, что он этого уже не осознавал! Через некоторое время сладкая трапеза закончилась, и пустые половинки были выставлены к мусорному ведру.

Тут-то он и очнулся: «Аллах, меня съели, меня съели! Что же делать? Вот тебе и Курманберды Македонский – земли новые осваивать мечтал,

государства бахчовые заводить, Тыковку в жёны взять, несмотря на запреты матери».

А тётки так ничего и не поняли, съели философа – и всё тут. Обыкновенная история...

Утром обглоданные арбузные корки были выставлены вниз к мусорной двери. Юркие арбузные семечки, учуяв свежий запах плодородной земли, – здесь цвёл великолепный цветник – бодренько выбрались из остатков отца, пересчитались – их было ровно сорок штук – и быстренько зашагали в сторону родной бахчи. У них не было ни компаса, ни навигатора, этих хитрых человеческих приспособлений, но внутреннее природное чутьё подсказало им нужное направление. Вскоре старший брат, как две капли воды похожий на Курманберды, командовал этим маленьким храбрым отрядом, направляя его на юг, в жаркие узбекские земли.

Новокузнецк
26 июля 2013 г.

Метаморфозы

Меня укусил комар. Ни писка, ни визга – не было ничего предупреждающего. Укусил в самое мягкое и сладкое место – у окончания брови, где немного припухшее веко переходит в саму бровь. Не знаю почему, я провела там рукой, и в комочке скатавшегося месива разглядела комара... «Да ладно, мало ли комаров нас за лето кусает?» – подумала я как-то вяло, и на этом тема была будто бы закрыта. Но дальше события разворачивались стремительно. Я вдруг почувствовала, что меня резко затошнило, чего со мной никогда не бывает, удивиться этому не успела, потому что, посмотрев в зеркало, я увидела себя очень побледневшую, а на месте укуса отчетливо расплылось красное пятно величиной с десятирублёвую монету.

– Он что, бешеный был? – вяло подумала я, потому что неожиданно сильно закружилась голова, как-то ослабли ноги, громко стучал пульс, будто кто-то стучал молотком по голове. Я подумала, что мне лучше всего лечь и переждать это лихо, но прежде чем это сделать, я снова посмотрелась в зеркало – пятно на виске стало ещё больше, а меня стало потряхивать.

– Может, в скорую звонить? А что говорить? Что меня укусил комар? Нет, давай переждидай, Света, должно отпустить, – промелькнули очень вялые мысли.

В глазах поплыли какие-то стремительные маленькие вихри, тошнить стало ещё сильнее, я оторвалась от своей постели и, кружась, куда-то полетела. Кружение убыстрялось, убыстрялось – и вот уж я в каком-то огромном водовороте, то ли воды, то ли воздуха – быстрее, быстрее, тошнота подступает к самому горлу, проскочила мысль, что так, наверное,

космонавты крутятся на центрифугах... Когда пришла мысль, что нужно расслабиться и отдаться этому Мальстрему, – стало немножко легче. Мимо меня пролетали какие-то растения, всё было смутно, неясно и тревожно. По моим ощущениям, темп вращения всё убыстрялся, возник какой-то дикий визг, визг перешел в свёрхвизг, теперь и в ушах всё заложило. Я испугалась, начала барахтаться и бить руками, так мне казалось, но руки никак не поднимались, а зрение стало исчезать, исчезать, да и сознание тоже. И тут я услышала далеко-далеко какие-то тоненькие голоса: «Переход завершается! Переход завершается!» – и потеряла сознание.

«Переход завершился! Завершился», – кто-то отчётливо пел мне в ухо. «Открывай глаза, королева!» – настойчиво звенели слова близко, а вдали какой-то неугомонный хор пел тоненько и стройно: «Слава богу, слава богу, завершился!»

Большим усилием я заставила себя открыть глаза. Этот Близкий оказался комаром, ручки, ножки, крылышки и жвалы – всё было как есть комариное. Смутная догадка мелькнула у меня, но в неё мне верить не хотелось...

– Давайте-ка я помогу вам встать, моя королева! – услужливо предложил Близкий, протянул тонюсенькую ручку, нет, наверное, лапку и действительно помог приподняться и сесть. Голова всё ещё кружилась, но никакой тошноты не было, организм собрался и сел в подставленное маленькое креслице. Хор восторженно завопил: «Мы приветствуем тебя, наша королева! Наша королева!»

Оказывается, я стала их королевой! Даже так! Страшно, но над этим стоило поразмыслить.

– Пусть сейчас же замолчат! – произнесла я свои первые слова и закрыла лицо руками, нет, не руками, а маленькими мохнатенькими лапочками, какие они были отвратительные, но рук у меня, моих золотых рук – увы, не было!

– Не бойтесь, не расстраивайтесь, всё идёт хорошо! У нас появилась своя королева! – запел Близкий мне прямо в лицо. – Королева особенная, летняя, умеет понимать природу и законы её, смиритесь, королева, – и вам станет легче!»

«Наверное, он прав», – подумала я. Это уже свершилось, нужно это принять, понять явление и постараться выбраться из этого. Но во что же я влипла? И почему именно я? Мысли были вялыми и будто бы безнадежными. Осматривать себя остальную я откровенно боялась. Страшно быть комаром после человека, но может быть, привыкну? А может, принять это по-другому? Как приключение, ведь никогда же я никем ещё не была, кроме человека, может, моей гордыне обидно, что комаром? Это не исключалось, думать было над чем.

– Ладно, утро вечера мудренее! – хотя никакого времени я не знала, укусили-то меня днём, и я провалилась то ли в сон, то ли в забытьё.

Наверное, я всё же поспала, потому что, проснувшись, я почувствовала себя легче. Близкий, я надеялась, что это он, услужливо подскочил:

– Давайте проведём церемонию одевания, затем позавтракаем и начнём знакомство со своими подданными.

– Давайте, – ведь делать-то было нечего. Хоть узнаю, что да к чему?

Церемония умывания и одевания прошла для меня интересно. Какой-то комар обтёр моё лицо или мордочку – как правильно её назвать? – сначала вкусной чистой росой, которую я начала жадно слизывать, затем сразу мне поднесли в изумительной красоты листе, свернутом так искусно, что я сначала подумала, что это фарфор, вкусного вина из одуванчиков, снова обтёрли мордочку лепестком какого-то розового цветка, причесали нежной золотой гребёночкой мои торчащие волосики, закололи красивым нежным цветочком, а сверху надели тончайшую золотую корону – она не весила ничего, но финифть (я называла всё человеческими словами и понятиями по привычке) была такой тонкой работы, хоть сейчас помещай её в Русский музей! Затем мне одели тончайшую юбочку, кружева были не хуже, а может, лучше брюссельских, почистили золотой пудрой крылышки и надели на страшенькие ножки красивые прюнелевые туфельки розового цвета. Уж как они старались мне угодить, как легко и бережно они, комары, это делали! И, представьте себе, мне это начинало нравиться!

Далее начался завтрак. Сервировка была такой изящной, такой искуснейшей, что восторг поселился у меня в сердце – какие они мастера, какие искусники! Всё стояло на столике – огромный лист поддерживался мощным стеблем, изящное серебряное блюдо украшал растительный орнамент, тарелочки позвякивали как серебряные колокольчики, а расписные бокалы, кружечки и ложечки, так были красивы – просто загляденье! Я жадно взяла первую тарелочку и так же жадно начала есть. Кушанье походило на овощное рагу, только было понятно, что это всё – травы. Второе блюдо состояло из крупных горошинок с добавлением такого вкусного соуса – сразу вспомнились замечательные китайские блюда, – а на третье подали нектар цветка болотной лилии. Абсолютно никакой крови, ни человеческой, ни звериной! Всё это сопровождалось тихой музыкой ветра и шелестящих трав. Как мне это нравилось! А вы бы устояли перед этим великолепием? Я бы посмотрела на вас!

Снова меня вытерли нежнейшей салфеточкой, и началось представление придворных. Сначала представили церемонимейстера. В его обязанности входило соблюдение всего королевского этикета. Затем подвели министра культуры, и хотя для меня – пока – они были все на одно лицо, вернее, все на одну морду, мне это очень понравилось, и я сказала им об этом.

– Мы знаем, что мы делаем, – отвечал церемонимейстер.

Затем представили премьер-министра, затем министра внешних дел и международных отношений, министра сельского хозяйства и заготовок, министра лесного хозяйства и, наконец, министра спорта и туризма. Я должна была выслушать, вернее, принять доклад, каждого из них. Мне это представилось скучным, я хотела прогуляться, о чём и сказала подданным. Тут же мы пошли осматривать мое королевство. Мой дворец, примыкающий

к нему парк, он назывался Светларий, тихие тенистые аллеи, маленькие изящные скамеечки из растений, великолепные скульптуры – только они изображали, конечно же, выдающихся комаров! Затем меня повели к фонтану. Он у них, вернее у меня, назывался Бахчисарай. «Неужели они и Пушкина читали? Нужно будет у них спросить», – промелькнула абсолютно человеческая мысль. Мои маленькие мохнатенькие ножки начинали мне нравиться – так удобно они складывались в коленях и выпрямлялись при ходьбе! Но я ещё ни разу не летала и, честно говоря, побаивалась это делать. Как все королевы, я быстро утомилась, закапризничала и даже топнула ножкой! Церемониймейстер упал на колени и быстро поцеловал её. Это было уж слишком! «Что это ты, Света, выдрючиваешься? Что это тебе – властвовать захотелось?» – спросила я себя, и мой внутренний наглый голос ответил: «Да, захотелось!» «Ой-ой-ой, как быстро ты в роль вошла, повелевать надо, видите ли!» – возразила я сама себе, вернее, одёрнула сама себя. «Ну ладно, больше наглеть не буду» – сказала я себе и сразу захотела спать, видимо адаптация ещё не совсем прошла.

Наутро всё пошло своим чередом: умывание, одевание, завтрак. Затем пошли министры.

Первым я пригласила министра лесного и болотного хозяйства, чем удивила всех остальных, но возражать мне никто не посмел. Попросила показать карту моего королевства. Он оказался сметливым и расторопным и, быстро достав её из папки, развернул на столе. Я разглядывала её с восторгом и ужасом одновременно – внизу был указан масштаб в километрах! – представьте себе! В одном сантиметре 5 километров, и выходило, что государство комаров огромно, как весь Кузбасс! А провинции! На северо-западе Мухляндия, рядом огромная Осокино, дальше Еловая, на юге Мошкараус и на юго-востоке – Жуковка! Лесные ресурсы тщательно сберегались, звери жили вольготно и сытно, а в болотах было полно водоплавающей птицы. Вот тебе и комары – регуляторы и охранники! Всё было просчитано, записано в книги и охранялось законом. Гармония экологии или экология гармонии? А звали министра – У-У-У, я сказала ему: «З У», и он откланялся. Можно было больше никого не вызывать – всё у них в государстве в порядке, только почему же они кровопийцы, так называли их все люди, когда же и как это проявится? Это предстояло выяснить – как и какое место в их меню занимает кровь людей и животных и когда на стол мне подадут её?

Оказывается, бездельничать было просто, так же просто, как и отдавать приказы. Я приказала принести сока водяной лилии и попросила пригласить на доклад министра культуры, всё же в человечесем обличье я отношение к культуре имела!

Министр был забавным франтом. Он был одет или покрашен (непонятно!) в разные цвета: брюшко лилового цвета переходило в золотисто-лиловые крылышки, грудка отсвечивала нежнейшим оливковым

цветом, на мордочке были очень красивые маленькие очки, в которых всё время что-то вспыхивало. Министр был красавцем по комариным меркам. Он не просто стоял, а как бы всё время пританцовывал. Ритм движений не утомлял меня, а наоборот, зачаровывал. Министр развернул папку, придвинул ко мне какие-то бумаги, но заметил, что я очарована его танцем и продолжал подтанцовывать.

Невольно я включилась в этот ритм, встала из-за королевского письменного стола и стала пританцовывать вместе с министром. Невесть откуда полилась нежная и тихая музыка, музыка леса, цветочных полей и трав, и наполнила моё сознание счастьем и красотой. Он тихонько коснулся меня своей мохнатенькой бронзовой лапочкой, взял меня за локоток и как будто куда-то подтолкнул. Я приняла этот толчок, перевела его на ножки, оттолкнулась от пола, невысоко полетела и вылетела в окно. Мои золотистые крылышки легко взмахивали с каким-то серебристым звоном, юбочка плотно облегла ножки, соединяя их вместе и в то же время нисколько не мешая мне, а мои чудесные фасеточные глазки осматривали мир сверху, всё отмечая и всё подмечая. Министр летел рядом, видимо страхуя меня. Внизу тоненько запел хор: «Она летит! Она летит! Она наша замечательная королева, совсем наша!»

Почему-то я быстро уставала, я была по росту намного крупнее остальных комаров, а, следовательно, и тяжелее. А как теперь садиться? Как это делать? И не грохнусь ли я при всем честном комарином народе? Хитрый министр показал, как это делается – он по-особому сложил лапки, вытянул ножки и стал медленнее махать крылышками, – я в точности повторила его движения и села медленно на дворцовый газон. Подбежали или подлетели придворные, загомонили-заверещали-запищали от радости, а церемонимейстер торжественно преподнёс мне большой дар – вторые золотые крылышки, больше тех, которые были у меня за спиной. Они были уложены в красивый плетёный рюкзачок и распахивались одним нажатием кнопки на груди. Я приняла этот дар торжественно.

Но дела в королевстве стояли на месте, так мне казалось: королева бездельничала и развлекалась. Может, я была номинальной королевой, как английская? Может, ничего и не надо было делать? Я взяла себя в руки, не пообедав, села за письменный стол, открыла папки министра культуры. Он смиренно стоял рядом. Тут было всё – большой королевский балет, национальный хор, национальный оркестр, народный хор и оркестр народных инструментов, большой балет на воде и даже детский хор. Вторая папка была подписана «Архитектура», третья папка – «Живопись», четвёртая папка – «Народное творчество». Я была поражена и нисколько не сомневалась, что всё это не только в папках, но и есть на самом деле! И проверять ничего не стала, я думаю, по лености.

Дни шли за днями... В мои обязанности входило принимать и выслушивать министров, давать им пустяковые наставления и советы. Остальное они делали сами и, по-видимому, очень хорошо.

От безделья (или по какой другой причине) меня стал занимать вопрос: а где же у них комарихи? Вокруг меня были только самцы. Все должности и посты в королевстве занимали только мужчины, если их можно было так назвать. Как об этом спросить деликатно? И кого? И при удобном случае я задала этот вопрос церемонимейстеру, мол, хочу назначить себе статс-дам. Он отвечал, что это невозможно.

– Все самки заняты выращиванием потомства, а если Вы хотите ознакомиться с этим – пойдёте завтра на Большое Королевское озеро.

– А давайте сейчас, – закапризничала я, и он как-то, мне показалось, неохотно, согласился. Тут какие-то первые сомнения закрались в мою душу, мою комариную душу! Мы полетели к озеру, я справилась с этим довольно посредственно, на мой взгляд, но никто ничего не сказал и не комментировал, наверное, из боязни...

Это было совсем рядом. Огромное зелёное озеро было заполнено у краев копошащейся живой лентой комарих, которые подлетали, садились на воду, откладывали в неё одно яйцо и медленно отодвигались к берегу. Их движения замедлялись на глазах, они становились вялыми, беспомощными и тихо и недвижимо лежали, ожидая своего конца. Зрелище было не для слабонервных – миллионы комарих уже мёртвых, миллионы едва живых, ждущих своего конца. Зато яйца лежали на поверхности ровными рядами по одному, у каждого из них по бокам видно было 2 поплавок с воздухом, благодаря чему они не тонули. Дальше лежали личинки, располагаясь под водой параллельно её поверхности, выставив членики с двумя дыхательными отверстиями. Кто руководил всем этим процессом? Или сама природа совершала извечный жизненный ритуал? Откровенно говоря, меня затошнило, видимо, слишком много во мне осталось человеческого, а у людей всё по-другому. Картины милой человеческой жизни поплыли у меня перед глазами: такое же озеро на Алтае, Телецкое, кажется (я ещё что-то помнила!), лодки по берегам, счастливые и довольные люди, отдыхающие и наслаждающиеся красотой!

Комары заметили перемену в моём настроении, быстренько отвели меня от берега, подали сок водяной лилии, подъехал мой королевский экипаж, меня впихнули в карету, и через несколько минут я уже была в своём дворце. Сразу потянуло спать, и я поняла, что сок этот – сильное снотворное. Я решила не бунтовать, сначала поспать, потом всё хорошенько обдумать. Ну такие у них жизненные циклы, не так как у нас, теперь что?

Утро не принесло перемен. Я начала тосковать по своей человеческой жизни и, наверное, по своей человеческой сущности. Хитрые комары меня всё время опаивали соком, услаждали танцами и шманцами (я вспомнила это человеческое словцо и ужасно ему обрадовалась!), холили и лелеяли, ублажали и умащивали. Министр культуры вертелся рядом, церемонимейстер дарил цветы с утренними капельками росы, для меня круглосуточно пела какая-то божественная пташка, дела и обязанности королевы отодвинули в сторону, наверное, до лучших времён.

Решили устроить Олимпийские игры, согласовав со мной олимпийские виды: водные, национальную борьбу, фехтование на хоботках, комариный футбол, а когда я предложила одну команду назвать «Барселона», а другую – «Порто», восторженно взвыли. Тут же нашелся композитор, который сочинил песенку «Вперёд, комар, на бой с мячом, иначе будешь слабочом!» Я даже не стала их поправлять, пусть себе, мне всё это обрыдло и осточертело, и поняла я это окончательно.

«Домой, домой, – вертелось у меня в голове. – А как? Думай, Света, думай!» – уговаривала я себя.

Настроение было поганое, отвратительное, можно сказать. Смотреть не могла на себя, на них и на окружающую роскошь, королевскую. Ну что же делать? Как же вернуть себе человеческую сущность, в комариной ипостаси жить я больше не могла – или руки на себя наложу, или – что или? Выход, он, конечно, был – нужно только получить какую-то информацию, от кого? От ближайшего окружения, естественно. И начинать надо с церемонийстера.

Я пригласила его в свой роскошный будуар, чего никогда не делала. Он радостно вбежал, мне показалось, виляя задней половиной. Пригласила его за стол, налила большую рюмку алкоголя на меду, выпила сама, конструктивные идеи всё равно не приходили в голову. Выпила ещё и заставила выпить и его. Стало полегче. Заметила, что он очень опьянел и как-то раскачивается в кресле. Заставила ещё выпить, он слабо сопротивлялся.

– Говори, поганец, как мне обратно вернуться? – закричала я на него с отчаянием. Подняла свои мохнатые лапы, сжала отвратительные кулачки и заехала ему в морду: раз, два, три! Била остервенело, но с наслаждением. Пьяный комар от страха выпучил свои большие глаза, слабо защищался лапками, потом упал на колени и стал умолять его не ссылать на рудники, дескать, он справится.

– Сошлю обязательно, пока я здесь и пока я в королевской силе, говори, кровосос! – буйствовала я, не в силах сдерживаться. И когда я наступила задней лапой на него, на его полосатое брюшко, он сдался.

– Эту процедуру знает только главный хранитель, – еле выдавил он.

– Ах ты, скотина церемонная! Что ж ты долго молчал? У меня все лапы болят, об тебя отбила! – алкоголь здорово подогрел меня, в трезвом виде, наверное, я не стала бы его избивать. Но выход реально замаячил.

– Поднимайся, иди за хранителем и ни слова не пикни, возвращайся сюда вместе с ним. Нет, нет, я пойду вместе с тобой.

Я испугалась, что он примет какие-нибудь меры, хитрый царедворец, и поскольку я была намного выше его ростом, взяла его за шкуру, благо там был большой стоячий кружевной воротник, и мои действия были не заметны. Так мы прошли одну приёмную, затем другую и оказались в третьей. Там, на диванчиках сидели министры и пили соки, хранитель был среди них. Это придало мне уверенности.

– Прошу вас пожаловать ко мне, – властно приказала я ему, подождала, пока он встал, и сопровождала их до самых своих покоев. Там усадила их за стол, налила алкоголя (сама я уже совсем не пила!). От страха церемонимейстер стал совсем бледным и почти прозрачным и, глядя на него, начал бледнеть хранитель. Оба выпили, не смея мне перечить.

– Хранитель, как мне вернуться обратно в человеческое обличье? – спросила я. – Не скажешь – буду бить обоих и забью до смерти, – пригрозила я, хотя сама была в страшном опустошении и цейтноте, завод моего гнева заканчивался, я это чувствовала.

– Ах, да ты молчишь? – я схватила его за противную тонкую шейку и начала её сдавливать. Он совсем побелел, тоже стал прозрачным и вот-вот мог отдать концы. Я отпустила руки, кружевным платочком обтёрла ему морду, заставила снова выпить алкоголя. Теперь он пил с жадностью и немножко потемнел и отдышался. Но молчал. Преодолевая себя, я с размаху пнула его в большое полосатое брюшко. Он взвыл, но молчал. Тогда я повалила его на пол, встала на него ногами и начала с остервенением его топтать. Что-то мокрое и густое вылетело из него, и только тогда он еле прошептал:

– Вам, ваше Величество, нужно укусить человека, самку, летнерождённую, не старше 50 циклов.

– А как мне её найти? Где выход в человеческий мир? Что ещё нужно, говори, паразит! – как только я произнесла это обыкновенное слово, хранитель перекрестился или сделал что-то наподобие этого. И я поняла, что это очень большое ругательство у них, у комаров, и этот инструмент воздействия я приняла быстренько на вооружение.

– Нужно, Ваше Величество, чтобы у особы, которую вы собираетесь укусить, коэффициент айкью был никак не ниже 170-180 единиц. Это для того, чтобы воспринимать и понимать нас, комаров. Вот вы нас сразу поняли, чего вы сейчас взбунтовались? Чего вам не хватает? Скажите или только пожелайте, мы всё исполним.

– Ах ты, змей подколодный! – ругательства находились сами собой и вылетали из меня со скоростью и яростью автомата Калашникова (ещё одно человеческое понятие вспомнила! как здорово, значит, не всё потеряно!) Ну не хочу я быть комаром, только и всего, хочу снова стать человеком!

– Ваше Величество, обратный переход может быть опасным для вашего здоровья и вашей жизни, – упирался хранитель, и это опять обозлило меня.

– Не возражай мне и не беспокойся о моей жизни, которую вы забрали, сейчас вас обоих прикажу казнить, паразитов! Вставайте, ведите меня к порталу, не показывая вида, иначе вам же будет хуже, обещаю!

Измочаленные и пьяные, комары кое-как встали, и мы пошли пешком к Большому Королевскому озеру, я их взяла под ручки, чтобы по дороге они ничего не выкинули. По дороге встречались придворные, раскланивались и с восхищением рассматривали нас. А я торопилась, скорей, скорей! Сбросила свои прюнелевые туфельки, отстегнула зачем-то крылья, скинула

невесомую корону – всё было до предела ненавистным и противным. Без особых происшествий дошли до берега, и хотя у моих комаров часто подкашивались ноги, они все же боялись моего крутого нрава.

– Входите в воду, королева, – хранитель разгрёб водоросли и останки в сторону, но я поволокла их с собой, желая до самого конца иметь хоть какие-то гарантии. Они опять помертвели от страха, оказывается, для них вода была страшной стихией. Я наклонилась к самой воде и увидела мерцающую надпись: ПЕРЕХОД, просто нырнула туда, вернее, прыгнула. Вместе с комарами. Боковым зрением увидела, что оба медленно пошли на дно. «Так вам и надо, мучители!» – успела подумать я.

В голове зашумело, в глазах поплыли цветные круги, я отчаянно колотила лапами и ногами, моя прозрачная юбочка слетела (я успела в этой круговерти обрадоваться этому!), меня мотало, кружило и поднимало вверх, я это интуитивно чувствовала. Через несколько минут меня выкинуло на поверхность воды совсем недалеко от берега, но не того берега, от которого я так страстно убегала, а нового, человеческого, я поняла это сразу. Ликование наполнило всё моё существо, но выйдя на берег, обсохнув, я осознала сложность всей моей задачи.

Полететь, найти человека, укусить – а сил осталось очень мало, гнев забрал все мои силы. «Давай, Светочка, напрягись, это единственная у тебя возможность, отбрось свою усталость!» – призвала я себя действовать дальше. Вместо крыльев на спине оказался маленький плетёный рюкзачок, я мысленно поблагодарила за него моих мучителей, нажала кнопку на груди и медленно полетела, не зная – куда.

Зелёные поля простирались подо мной, где тут найти человека? Крыльями махала очень медленно, тяжело, но старалась изо всех сил – и вот мои усилия были вознаграждены: вдаль показались какие-то дымы, крыши и строения – это было человеческое жильё, и надежда заполнила всё моё комариное существо! Села недалеко от многоквартирных домов на траву, нужно было отдохнуть и осмотреться. Солнышко пригревало, одолела дремота, и я позволила себе немного поспать: может, силы восстановятся? Но проснулась я через несколько минут, настолько было велико моё напряжение. Полетела к ближайшему дому, сразу же нашлось открытое окно. Как хорошо было оказаться в обыкновенной человеческой комнате, вдохнуть человеческие запахи, увидеть настоящую кошку! За кухонным столом сидела женщина, я подлетела к ней и тихонько запела: у-у-у-у... Сразу же включилось сканирование, всё автоматически, определялся айкью К сожалению, он у этой женщины был низкий – всего 80, мне это не подходило, а жаль, силы мои были на исходе. Делать было в этой квартире нечего, очень хотелось погладить кошку, потрогать её красивую головку, заглянуть в глаза... но всё это было глупой лирикой. А мои задачи были иными.

Следующей была открытая форточка, и всё повторилось: -у-у-у... цифры показали вообще 40. Полетела дальше, крылья были большими и

тяжёлыми, а стали теперь совсем неподъёмными. Дальше окно, снова не то, ещё одно, опять: -у-у-у, пение моё становилось всё тише. Так вот о чём предупреждал меня хранитель, все так трудно в действительности и было! Ещё одно открытое окно, снова мимо. И тут пришла спасительная мысль: нужно найти учебное заведение, лучше студенческое, университет – там-то айкью будет повыше. Давай полетим по улицам, Светочка, найдём подходящее и тогда... Укусим...

Летела тяжело и медленно: «Наверное, скоро упаду», – думалось мне. И вдруг увидела вывеску «Интернет-клуб», быстро залетела туда. В клубе были только парни, все сидели в наушниках и за компьютерами, абсолютно погруженные в свои выдуманные мирки, не обращая никакого внимания на окружающее. В углу вдруг увидела девушку, она сидела, курила, пила пиво, раскрашенная в абсолютно дикий окрас и вяло тыкала длинным ногтем в клавиатуру. «У-У-У...» – включила я свою программу, совсем безнадежно. В табачном дыму даже аппаратура работала плохо! А я была на грани, табачный дым быстро поглощал мои последние силы. Вдруг увидела цифры – 230, силы вернулись, только я не знала, как кусать, как это делается и что дальше. Но рассусоливать было некогда.

Села на щеку, поднялась до брови – и тут уже сработали рефлексy. Расставленные ножки растянули кожу на виске, хоботок вонзился в нежную кожу, наполняясь обезболивающей субстанцией и перекачивая её под кожу, тихонько загудел насос, закачивая кровь в брюшко. Девушка взмахнула рукой и шлёпнула себя по виску, задела меня легонько, и я упала сначала на плечо, а потом на пол. Что было дальше – не знаю...

Очнулась в белой комнате и через некоторое время поняла, что это больничная палата. Вошла медсестра, принесла какие-то таблетки, стала спрашивать моё имя, фамилию и место жительства. Я всё, к счастью, помнила, всё назвала, единственное, боялась назвать город, а вдруг я в другом городе? Медсестра вышла, а я встала и пошла к выходу, опять нужно было спешить, они могли меня здесь задержать надолго, а то и в психиатричку упрятать, расскажи я им, как была королевой комаров. Одежда была грязная, ноги – в больничных шлёпанцах, машинально залезла рукой в карман брюк: две смятые сторублёвки и, как великое спасение, ламинированная ксерокопия паспорта – лежали в моей ладони. Выйдя на крыльцо больницы, я обернулась и с ужасом прочитала вывеску «Городская клиническая больница № 1 города Томска».

Впервые за свою жизнь, я не обрадовалась этому городу, а ведь я училась в нём, становление меня как человека, проходило в нём, здесь жили мои родные, но теперь-то мне нужно как-то попасть в Новокузнецк и как можно быстрее. «Пойду на вокзал, а вдруг что-то произойдёт?» – с надеждой подумала я. «Неправильно, Света, думаешь, – что-то зазудело у меня в ухе. – Надежду надо думать с большой буквы, тогда она реализуется!» Я начала думать с Большой – Большой-Большой, представила её огромной и ласковой Вселенной, любящей меня, её дитя. И она меня стала наполнять верой, что всё будет хорошо.

– Уйди, бабка, с дороги! – какой-то парень отпихнул меня стремительно, я вышла из своего состояния и пошла к вокзалу. А надежда находилась у меня за плечами, вроде прозрачных крыльев, и это вело меня вперёд и помогало переставлять ноги. Оказывается, я страшно хотела есть, очень, очень. «Эх, обыкновенного бы человеческого творожка, целую пачку со сметаной, а лучше две!» – подумалось мне, но усилием воли я отогнала эту мысль, потому что уже увидела надпись «Кассы» и направилась туда.

Поезд уходил через час, билеты были, но стоили они больше двух тысяч рублей. Я снова полезла в карман за своими сотенными и обнаружила мягкий маленький комариный рюкзачок с крыльями, вытащила его – и обомлела; похоже, сеточка была из настоящего золота и так искусно свита и переплетена, что представляла большую ценность и в нашем мире. Вот она, надежда, её подарок!

– Что же делать? Продать и на вырученные деньги купить билет! – завертелось в моей человеческой голове, а комариная часть моей сущности тихонько завывала: «Жалко, жалко...» И тут навстречу мне идёт тётка, а может, женщина, таких много на всех вокзалах, тоже обшарпанная, как я, грязноватая, как я, а на груди – плакат из картона висит криво «Покупаю золото». Я обрадовалась и огорчилась одновременно, всё же жалко было отдавать такую изящную вещицу в такие грязные руки! Но скупщица чувствовала себя уверенно, повертела рюкзачок:

– Где взяла? Украла, поди? – прозвучал хриплый прокуренный голос. Тут во мне мгновенно проснулась королева, ну пусть и комариная даже, я топнула ногой и надменно сказала:

– Болтаешь много, давай деньги!

Оторопелая барыга растегнула замок-молнию на сумочке, там внутри отсчитала 4 тысячи и без слов подала их мне. Я тоже без слов взяла их и через несколько минут стояла у кассы. Билет достался даже на нижнюю полку. Теперь можно и творожок позволить. В буфете почти никого не было, но и творожка тоже. Хорошо, хоть сметана была!

Подкрепившись, я пошла на перрон, нашла свой поезд, посадку уже объявили, села на своё место – ...и вырубилась. Все эти метаморфозы измотали меня окончательно. Сон был сладкий и тягучий. Опять я была королевой, мне обтирали мордочку запашистым соком, опять нежно пели фонтаны. «Сейчас спрошу про Пушкина», – думалось мне в сладкой неге. «Крылья, крылья, где мои крылья?» – громко беспокоилась я, а министр культуры отвечал: «Они на месте, Ваше Величество!» Краешком сознания отметила: «А церемониейстера-то нет, где же он?»

– Женщина, проснитесь, билет давайте, постельное брать будете? – резко спросила проводница. Я отдала билет, заплатила за бельё и отметила с сожалением, что комариные голоса звучат нежнее. «Ты что, Света! Обратно захотела! Человеческие голоса, видите ли, грубы! Королева драная», – резко оборвал меня внутренний голос, и я

обрадовалась ему, как своему старому доброму другу. «Да, правильно ты говоришь», – согласилась я, расстелила постель и, не раздеваясь, рухнула.

Утро было ранним и суетным. Все вокруг шуршали пакетами, собирали сумки. «Эх, сейчас умыли бы меня медовой росой, обтёрли бы розовым листочком, напоили соком водяной лилии...» – мысли блудливо возвращались к комариной жизни. Ещё возвращались! И это было тревожным звонком.

А поезд подошёл к новокузнецкому перрону, и поскольку я не была обременена багажом, я вышла одной из первых. Через полчаса я открывала дверь своей квартиры, со страхом думая, что с кошками? Кошки встретили приветливо и радостно, Фан завалился на спину и вытянулся как всегда, показывая, какой он большой, а Феечка скромненько сидела рядышком.

– Сколько же меня, интересно, дома не было? – спросила я у них.

Ответ поразил меня:

– Пять суток.

– А как же вы обошлись без меня, мои дорогие? – я с наслаждением сюсюкалась с ними.

– Сухой корм у нас был, а туалеты, конечно, грязные, – пропищала Фея.

– Сейчас вымою, сейчас вымою! – кинулась я в ванную и, всё сделав, схватила их на руки. Фан, как всегда, вырвался и разлёгся рядом в форме Боевого Пса, он был всегдашним моим охранником, Феечка прижалась и тихонько замурлыкала.

– А где же ты была, мамка? – в один голос спросили кошки.

– В царстве комаров, королевой. Там время было другим, долгим, а здесь прошло всего 5 суток! А кошек комариных там нет, – неожиданно брякнула я, видимо, переходы не проходят бесследно. Кошки эту глупость приняли всерьёз.

– И не может быть. Мы, кошки, приданы вам, людям. Преданы вам, обожаем вас, боготворим вас! А ты, мамка, всё время бегаешь от нас, загляни в наш мир, погляди нашу красоту и гармонию, может, захочешь стать кошкой?

– Мне кажется, я давно кошка.

– Нет, мамка! Тебе нужно обрасти шёлковой шерстью, примерно такой, как у нас, она даст тебе возможность путешествовать в астрале, отрастить хвост – он будет служить тебе и рулём, и стабилизатором, изменить своё зрение и ничем не гордиться! Гордиться только тем, что ты – кошка!

– А я и не знала, что вы такие философы у меня! Разрешите мне помыться, а потом приготовить какую-нибудь еду, я так давно не пила даже обыкновенного чая!

– Конечно, конечно!

Непроизвольно засыпая под шум воды, я ещё успела подумать: как же хорошо быть дома простой российской пенсионеркой, а не королевой. Дома, дома, дома...

Кошки мурлыкали: ОМА, ОМА, ОМА, ОМ. ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ!
ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ!

– Да они настоящие буддисты, – было моей последней мыслью.
И мы сладко уснули...

г. Новокузнецк
28 сентября 2013 г.

Приключения в НИРВАНЕ

Я лежала то ли на облаке, то ли на бело-розовых лепестках лотоса, то ли на простой аптечной вате. Это было немножко непонятно, и сознание не пыталось определить этот необыкновенный материал, а просто растекалось к краям Вселенной. Она была огромна, наполнена голубыми и нежно-лиловыми цветами, которые сливались с моей перинкой и продолжали свою вселенскую жизнь.

Я вошла в этот мир покоя и блаженства сразу, немножечко оглядываясь и осматриваясь, но всё остальное – земная жизнь, земные заботы – остались где-то далеко-далеко, наверное – внизу.

Вдруг мои ноги стали удлиняться-удлиниться-удлиниться и дотянулись до какой-то отдалённой звезды на краю нашей Галактики. Я так удивилась этому, но удерживать их не стала – пускай гуляют, где хотят! Они поняли это и, разложенные на мелкие атомы, улеглись на какую-то подставочку или ещё что, я уже не вникала в их дела, потому что была занята руками.

Руки тоже раскинулись, удлинлись, но не так далеко как ноги, совсем недалеко. Левая взяла в ладошку крайнюю звезду Ковша Большой Медведицы, а правая потянулась к Альдебарану. Головы почти не было, всё было иллюзорно, неясно, зыбко... и сладко!

Хотелось лежать, читать небесные Упанишады и слушать вселенскую музыку, в которой было много нежных нот: «Да это же играет альтист Данилов!» – поняла я, прислушавшись. Всё было прекрасно и удивительно. Мимо меня медленно плыли струи небесной амброзии, и я наслаждалась их запахом и вкусом. «Хорошо, как в раю», – подумала я, вспомнив недавно виденный «Рай» в музее Прадо, в Испании. Обнажённые Адам и Ева, кисти немца Дюрера, стыдливо прикрывали свои прекрасные тела, увитые красивой виноградной лозой. А мне и прикрывать было нечего – всё растаяло и растеклось неизвестно куда. Самое главное, что меня это абсолютно устраивало!

Вдруг кто-то клюнул меня в ногу! Остренько и ощутимо. В полусознании сначала возникло удивление, затем, когда клеванье повторилось несколько раз – небольшое беспокойство. Кто же мог клюнуть отдельные молекулы так, чтобы их центр ощутил это?

– Эй, отодвиньтесь! Слышите, отодвиньтесь! – прозвучал чей-то писклявый голос возле самого уха. Но никого видно не было.

На всякий случай я чуть-чуть, насколько это было возможно, поджала ногу. А крики продолжались.

– Я же просил вас, отодвиньтесь! Я наполняю свой парус солнечным ветром и уже почти готов полететь дальше, как вы легли на мою траекторию и стали поглощать мой солнечный ветер! Так не делается в Дальних Галактиках!

Я готова была не мешать никому, но крики и возня так заинтересовали меня, что я захотела посмотреть – кто это там развоевался? Кому в огромной Вселенной я помешала? Внутренним видением я не увидела ничего, поэтому пришлось приподняться, сесть на проваливающуюся субстанцию и осмотреться. У ног моих вроде никого не было. Но ощущения, что кто-то там всё же есть, были. Не зная, что делать, я стала интенсивно думать. Сначала мысли были тонюсенькими, слабенькими, неясными и не находили выхода из создавшейся ситуации. Но учатившиеся клевань в правую ногу ускорили их концентрацию. Я додумалась, что если найти телескоп, то можно будет рассмотреть эту небесную птичку. Но где же взять телескоп? Где? Мысли напрягались-напрягались, скручивались в тугую и упругую спираль, стягивали мои молекулы и атомы вместе, пытаясь найти решение этой неожиданной проблемы. Что-то проблеснуло, стали выстраиваться какие-то необыкновенные конструкции, как вдруг ноги... стали укорачиваться! Укорачиваться быстро, быстро, быстро, какой-то хаос замелькал там между ступнями, и я стала видеть их отчётливо и близко. Телескоп не понадобился, слава Богу! А то возни было бы – на всю Вселенную!

Теперь стал отчётливо виден огромный солнечный парус – прозрачный, сотканный из фотонов, он переливался розовым и нежно-лиловым. Видение было сногшибательным – нежность и красота предстали передо мной во всём своём великолепии! А внизу этого паруса сидело маленькое существо, очень похожее на птичку, а может быть, и птичка, приятного канареечного цвета. Как оно управляло таким огромным парусом? Я-то надеялась, что оставила этого клевуна там далеко, у крайней звезды.

– Да вы же меня с собой притянули! Я же кричал вам – отпустите, отпустите; так нет же – утянули, и теперь я не в той Галактике и нужно снова всю траекторию пересчитывать!

– Ничего я вас не тянула. Нисколько. И перестаньте кричать и барахтаться, сядьте рядышком и расскажите всё по порядку!

– Ничего себе, сядьте, а парус куда? Ведь он уже расправлен и почти готов к полёту!

Мне эти перепирательства стали надоедать, ещё не хватало, чтобы в небесных эмпиреях я ругалась с маленькой пташкой, пусть и умеющей управляться с солнечным ветром!

– Извини меня, пожалуйста, я же не знала, что ты там, у звезды, есть, может, и задела тебя нечаянно, извини. Привяжи свой парус к моей ноге как к якорю и садись поближе и побеседуем.

– Ну, так и быть, сяду. Может, Индра не рассердится. А парус закреплю, как ты сказала.

Ещё немного мелкой возни, пощёлкивания и чириканья – и вот великое чудо – солнечный парус – уже распростёрся надо мной. А маленький собеседник попрыгал-попрыгал по моему облаку и уселся на моей руке, недалеко от сгиба. Теперь я хорошо рассмотрела птичку – обыкновенная, с крылышками и хвостиком, с лапками и коготками, немного похожая на земную канарейку. На носу сидели очки, такие как у мотоциклистов, только маленькие и изящные.

– Ну, здравствуй! Я – Нокк Рачип из королевства Камбоджи. Временно служу посланником по поручениям, гонцом в коровнике у великого Индры. Ты же была на моей родине и купила моё гнездо у торговца, правильно я говорю? Повесила его в своём гнезде и изредка любишься им, хвастаешься гостям, так?

– Да это правда. Но я об этом не думала тогда. А теперь как это получилось, что ты всё знаешь про меня, тогда мне и представляться не надо!

– Нет, представься, небесный этикет требует этого.

– Я – Света, женщина из Сибири, художница, любитель путешествий, собиратель интересного, у меня две замечательные кошки несравненной красоты, вот, пожалуй, и всё

Оказалось, что и сказать особо нечего, по вселенским масштабам, всё просто и скромно.

Я продолжала присматриваться к неожиданному нарушителю спокойствия и, по размышлении, пришла к выводу, что это интересное приключение.

– Ну да, это тебе приключение, а мне какво! Утащила в другую Галактику на самую окраину Млечного Пути, заморозила-приворожила... Я что теперь буду делать?

Я обнаружила, что он сидит уже на груди, в ложбинке, и что-то там устраивает.

– Не что-то, а временное гнездо. Тут у тебя тепло и уютно, я защищён со всех сторон и приятно беседую, вдыхаю твои человеческие ароматы и нахожу их довольно волнующими. Хочу пригласить тебя в свою команду – все люди годятся на должность ускорителя – это их космическая профессия, плата будет достаточная. Мир посмотришь, другие Галактики, их обитателей, семью создашь, ну что, согласна?

– Это с кем же я семью создам? – от такого поворота я даже привстала, а мой маленький жёлтый постоялец, захлопал крылышками. Они были прозрачными и не птичьими, а больше походили на крылья бабочек-капустниц.

– Со мной, конечно! Я – в ранге координатора полётов, имею привилегии в выборе избранницы, ты мне нравишься, а я, надеюсь – тебе!

– Все замуж тянут, что за наказание такое! Только женщина побывала в Нирване, только вкусила сладость атомно-молекулярного состояния, только дотронулась руками до звёзд, уловила божественную музыку! Опять готовь, стирай, выворачивайся.

– Я вам не все! Я – посланник Индры по особым поручениям, нахожу новые обитаемые планеты, устанавливаю дипломатические связи с их обитателями, регистрирую, если они хотят, в Межгалактическом Союзе, оформляю документы, высылаю их в Центральный Информаторий Коровника, если возникают какие-то трения, – улаживаю их. Дел много, и мне нужна семья, во-первых – для официального дипломатического представительства, а во-вторых – для положительных эмоций и... я хочу детишек! Смогла бы ты высидеть яйца? Ну хотя бы штук шесть?

Я никак не могла представить себя сидящей на маленьких жёлтеньких яйцах и напрямую сказала ему об этом.

– Да не затрудняй себя этими будничными заботами, возьмём напрокат инкубатор, наймём няньку, чтобы свежие фотоны ловила и подкармливала тебя. Мне как координатору положены большие привилегии, заживём на широкую ногу! А когда я отслужу свою службу в Небесном Коровнике, вернёмся в Камбоджу. Я живу как раз в храме Байон, который так тебе понравился.

– Ну что ты замолчала? Ты же увлечена изучением индуизма и буддизма – вот и будешь изучать на месте, в храме божественного Авалокитешвары. А полюбишь ты меня обязательно, ещё ни одна особа женского пола ни разу не отказывалась от моего предложения. Если хочешь – пострижём тебя в послушницы, я могу по благу устроить тебя в подготовительный класс Апсар – небесных танцовщиц! Тебе даже за гнездом следить не надо – у нас в Байоне большой порядок, никто ни на что не покушается, тем более что наш род Рачипов всегда был при должностях главных музыкантов храма. Соглашайся, а, чтобы я не применил силу!

Дело принимало другой оборот – мне откровенно угрожали. И мне это не нравилось.

– Слушай, Нокк! Оставь меня в покое! Я извинилась перед тобой, выслушала тебя, можно сказать, пригрела, а ты мне угрожаешь. Нехорошо. Лететь я с тобой никуда не собираюсь, у меня дел полно на своей планете, давай расстанемся по-хорошему.

– Ну ладно, давай. Ну не вышло с любовью, может тут я перегнул. Ускорителя мне тоже не надо – у меня сверхсовременная автоматика, да и женщина на корабле – плохая примета...

Понурый и какой-то унылый, он стал отвязывать солнечный парус, а мне вдруг стало его жалко. И что это я стала в позу? Такие перспективы... Такие обещания...

Парус был отвязан, начал расправлять свои боковые пространства, струясь и шелестя всеми цветами небесной радуги. Отлетел от меня, казалось, что им ничто и никто не управлял, но я знала – что там маленький и смешной Нокк, обиженный и расстроенный.

Парус, подхваченный солнечным ветром, начал уменьшаться, уменьшаться, пока совсем не исчез из виду.

Я, тоже расстроенная неожиданно для самой себя, нашла свою серебряную нить и тихо скользнула по ней обратно, в свой мир. В свою квартиру. В ней было тихо и спокойно, кошки сладко дремали. Старший, Фан, поднял голову и спросил: «Ну что? Нагулялась? И когда же ты уймёшься, мамка, скажи честно? Всё куда-то рвёшься, всё тебе чего-то нового нужно!» Я не стала перепираться со своим старшим котом, ведь он был абсолютно прав.

Я сняла гнездо Нокка, осмотрела его и нежно погладила. Оно было мягким, тёплым и уютным. Наверное, мне бы хорошо было в нём, но я отказалась. Засыпая, я подумала: наверное, я поступила неправильно.

Новокузнецк, 4-30 ночи или уже утра, и я собралась родиться... К 12 часам рожусь обязательно. Из жёлтенького яичка прямо и вылуплюсь...

Новокузнецк – город Тонлесап, Камбоджа
30 августа 2014 г.

Молитва

Шёл лёгкий приятный дождик. В тропиках, да ещё в июле – это настоящее наслаждение. Дождь высыхает мгновенно, оставляя мелкие капельки, прилепившиеся ко всему – листьям, скамейкам и корзинам с зеленью.

Маленький слонёнок по имени Пук Лок, ему не было ещё и полтора годика, стоял около столба на поляне, куда привозили довольных туристов, которые уже покатались на слонах. Там его поставил хозяин и приказал малышу кивать головой, показывая, что он хочет бананов, которые продавал его хозяин тут же, в небольшой плетёной корзиночке. Бананчики малышу, а денежки – хозяину. Потом малыш нежно целовал туриста в щёчку, вызывая неопишуемый восторг и аплодисменты зрителей. Иногда шаркал ножкой, мотал хоботом и смешно приседал (детский хобот слабо управляется, слонёнок должен учиться им пользоваться).

Но сегодня малыш скучал. Серое дождливое небо вызывало необъяснимую грусть, тянуло куда-то гулять, вернее, идти по тропе за взрослыми слонами, жевать грубые ананасовые листья и шаг в шаг ступать за своей старшей сестрой, которую звали Сантор и которую Пук Лок очень любил, она заменила ему мамочку, с которой люди его разлучили. Иногда, как сегодня, он особенно вспоминал её.

Подошла очередная группа туристов, люди стали восторгаться слонёнком, и тут он увидел женщину, которая ему сразу понравилась. Невысокая и без накидки от дождя, она была абсолютно счастливая, увидев слонёнка; видно было, что все слоны – её братья, так сияло её лицо и так быстро она кинулась покупать корзиночку, что сомнений у малыша не оставалось. Это ОНА! Подала ему бананчики, погладила по голове,

именно так делала его мама-слониха, стала в ответ ему раскланиваться и шаркать ножкой, в общем, приняла участие в его небольшом шоу... А слонёнок увидел: на белой майке женщины был нарисован разноцветный слон, намокшие от дождя рыжие волосы походили на диковинную траву, а уж поклоны и реверансы... Нечего и говорить, что малыш был польщён и очарован. Она тоже откровенно его рассматривала, сказала, что у него красивые и чёрные ресницы и замечательные ушки, отличные ножки и превосходный хвостик... А вот слоненок не нашёл у неё хвоста, хотя твёрдо знал, что у людей хвостов не бывает, но в глубине своей детской души всё же слабо надеялся. Увы, хвоста не было, но и без него она была изумительно хороша! «Вот бы мне такого погонщика», – подумал малыш, хотя знал, что пройдёт много-много лет и только тогда он обретёт своего погонщика. И обязательно мужчину, это ремесло мужское.

Немного погодя люди уехали на машинах, и та женщина тоже. Она долго махала рукой ему из окна машины, и Пук Лок опять загрустил. Необъяснимое навалилось на него... Взрослые слоны подкреплялись ананасами, не обращая на него внимания, и тогда слонёнок потихоньку-потихоньку пошёл вниз на асфальтовую дорогу. «Пойду к Белому Будде, ведь все машины едут туда и все люди стремятся туда, небось, и я найду дорогу!»

Действительно, он шёл по обочине, машины останавливались, пропускали слонёнка или объезжали его, сигналили, люди из окошек машин махали руками, бросали ему фрукты, и неожиданно это путешествие начало ему нравиться. Он сбегал из деревни и будет наказан, но это сейчас его не страшило. Пусть – что будет, то и будет! Да как ещё вкусно закусывал!

Дорога ощутимо пошла в гору, но для молодого и резвого малыша, это ничего не значило, он шёл и шёл, поворот за поворотом, нарушая все правила дорожного движения, и люди пропускали слонёнка или подстраивались под его ход.

Вскоре Белый Будда вознёсся над горой во всём своём необъяснимом великолепии, и слонёнок, не задумываясь, вошёл в храм. Малыш был маленьким, и хотя он был слоном, он занимал немного места. Он быстро огляделся – всё было незнакомым и таинственным, непонятым, густо пахло благовониями и свечами – и пошёл подниматься по ступеням к величественной статуе. Люди пропускали его, монахи в оранжевых одеяниях благостно смотрели на маленького Пук Лока. Столько изображений слонов было в храме! А тут такой живой самостоятельный слонёнок и идёт в гору... к Будде! Чудо! Настоящее чудо!

Подъём почти закончился, когда слонёнок увидел своего хозяина. Страшное погоняло с железным крюком было в его руках, и по глазам хозяина было видно, что только толпа верующих сдерживала его гнев. Да присутствие Будды, великого миротворца! Когда и как хозяин его догнал? Этого малыш совсем не заметил.

Ещё несколько ступеней – и вот большой белоснежный храм и ослепительный Будда, восседающий на лотосе... Это было так

величественно, что слонёнок остановился, как останавливались все верующие и в поклоне склонялись перед белоснежным божеством! А кланяться слонёнок умел, и когда он поклонился Будде, изумлению людей не было предела! Как велика сила святого, что даже животные ему поклоняются! А слонёнок заметил самое главное – его хозяин сначала оторопел, потом его жёсткие глаза смягчились, и по морщинистому лицу побежала слеза... Таец понял, что слонёнок у него непростой, и сразу же забоялся – как бы храм не забрал такого слонёнка себе... даром...

А Пук Лок пошёл обходить Белого Будду как делали тысячи проходящих верующих и фарангов, иностранцев, слонёнок знал это слово, оно у них в слоновьей деревне произносилось часто. Старался рассмотреть символы и буквы, но это уж было не под силу маленькому и неокрепшему уму! И когда, обойдя по периметру божественного Белого Будду, снова оказался на площади перед статуей, люди не выдержали и стали подносить слонёнку фрукты и лакомства. Тут оказалась небольшая деревянная беседка с лавкой, вся увешанная ритуальными колокольчиками, которые тихонько позванивали на ветру. Около неё слонёнок и сел... помолиться... В своей голове он сложил необыкновенно простую молитву: «Всё живое на Земле должно мирно жить, Будда, сделай так, чтобы никто никого не убивал, никогда, слышишь – НИКОГДА!.. Люди – зверей, а звери – людей, никогда! И чтобы люди друг с другом не воевали!»

Молитва слонёнка была настолько сильной и искренней, что материализовалась и сложилась в осязаемое облачко с двумя крылышками и полетела вверх, сначала к голове божественного, а потом – выше, выше и растаяла в небе. Люди все попадали ниц, а монахи стали бить в большой и звонкий колокол: «бумм-бумм-бумм». Испугался хозяин: «Наверное, сейчас его и заберут», но испугался и слонёнок, было шумно, гулко и отдавалось в ушах. «Пойду-ка я в деревню, помолился и хватит», – подумал слонёнок и пошёл вниз, к необычайной радости хозяина, который нёс огромную серую сумку с дарами – фруктами, орехами, печеньем и ананасами – хватит поесть всем!

Вниз спускались быстро, люди расступались перед ними. Слонёнок сразу понял, что страшный крик убран далеко в сумку, настроение было отличное. То ли молитва помогла, то ли всё это приключение... А когда по дороге они уже подходили к своей деревне, остановилась машина, вышла та самая женщина, подошла к слонёнку и повязала ему на шею голубой шарф. Шарф трепетал и развевался, и слонёнок почувствовал себя абсолютно счастливым. «Как всё прекрасно в мире! Спасибо, Будда, что ты есть!»

В деревне все его ждали, особенно Сантор. Выходка слонёнка превратилась в божественный акт! Сестра обвила его хоботом, почесала за ушком... и полезла в сумку за угощениями. А он не возражал: «Пусть себе ест! Я ещё сбегая, помолось!»

Наевшись, Сантор завистливо поглядела на голубой шарф, который элегантно обхватывал его шею и застенчиво попросила: «Слушай, дай

поносить?» А слонёнок, подумав, ответил: «Нет. Я-то его заслужил», и старшая сестра покорно замолчала, согласная с ним. Подошла рыжая деревенская кошка, облезлая и голодная. «Мистер слон, говорят Вы к Белому Будде ходили? Это правда? Молились?» Мистер слонёнок горделиво ответил: «Да, молился, и молитва моя была услышана. Пожалуйста, угоститесь печеньем!» Кошка деликатно выбрала небольшую печенюшку и, прежде чем начать её есть, спросила: «А что у вас на шее? Кусок неба от Белого Будды?» «Пожалуй, что да», – поразмыслив, ответил малыш. «Мистер слон, когда пойдёте другой раз к Будде, возьмите меня с собой, пожалуйста? У меня тоже есть о чём попросить Просветлённого. Может, завтра и пойдём?» И Пук Лок твёрдо ответил: «Обещаю взять Вас с собой. Но завтра у меня сабай». Сабай – это молитвенный день, тогда тайцы совсем не работают и ничем другим не занимаются, только молятся.

Я ещё не создалась вам, что это была я? Да, я. Прошло уже два месяца, а маленький умный слонёнок всё ещё не выходит у меня из головы... И вдруг – я вижу сон...

Иду по слоновьей деревне, опять накрапывает приятный тропический дождь. Прохожу мимо навеса для слонов, мимо каких-то хозяйственных построек, стогов ананасовых листьев и туда – в гору, где проходит слоновья тропа, по которой возят туристов. Грязь смачно чмокает у меня под ногами, но я не обращаю на это никакого внимания. Поднимаю голову и вижу, что с горы бежит мне навстречу Пук Лок, но почему-то белый – представляете, белый слонёнок! – и шарф мой голубой развевается на шее! Ушки воинственно подняты, хобот на бегу бестолково мотается. Тут и я не выдержала и побежала ему навстречу. «Мама, мамочка! – на бегу трубит слонёнок. – Моя человеческая мамочка!» Я обняла слонёнка и прижалась к нему, теребя его за ушко, а он нежно обнял меня маленьким хоботом! Чистое счастье! Дальше в гору мы пошли вдвоём, слонёнок что-то ещё бормотал, захлебываясь от радости. Незаметно гора закончилась, и мы зашагали прямо по небу, под ноги попадались маленькие пуховые облачка, какие-то сиреневые лепестки и всполохи... Шли, наверное, в нирвану... ведь встретить белого слона – большая удача на всю жизнь!

Пхукет – Новокузнецк
16 сентября 2014 года

Постскриптум.

А в моем любимом городе Донецке в это время началась гражданская война... Люди одной нации беспощадно убивали друг друга. Наверное, молитва маленького азиатского слоненка не долетела всё-таки до Украины... А жаль... Вся моя родня там.

Парк орхидей

В Сингапуре, в государственном ботаническом саду, утро было в самом разгаре. Огромный сад давно проснулся и гомонил на все лады: птицы шумно чистились, взбивали воду и гонялись друг за другом, в кронах деревьев кто-то шумно возился и пел утренние песни – в общем, шла обычная повседневная жизнь зелёного оазиса. Служители развозили корма, убирали мусор, мыли скамейки и делали всё необходимое, чтобы посетителям сада было комфортно. Место это было любимым для сингапурцев и малайцев, но особенно много было приезжих туристов и, хотя посещение было платным и дорогим, сад никогда не пустовал.

В Парке орхидей тоже всё шло своим чередом. В первой зоне – «Орхидеи Сингапура», так называлось это отделение парка, – были собраны орхидеи со всех концов острова, каждая зона ещё подразделялась на 4 подзоны, соответствующие временам года. Растения приняли эти условные подразделения и даже были довольны этим – такой порядок расставлял всё на свои места.

Орхидеи этой зоны были заняты утренним туалетом: поправляли листья и листочки, отряхивали вчерашнюю пыль, припудривались собственной пылью, пили водичку и делали небольшую утреннюю гимнастику – наклонялись-выпрямлялись, чтобы весь жаркий день стоять грациозно и красиво. После этого – самое главное событие утра: растения прихорашивались перед зеркалом! У них оно было одно на всех, небольшое, на длинной ручке, кто-то из туристов его давно потерял, а растения подобрали и воспользовались для извечной привычки женского пола – красоваться перед зеркалом! У них сложился даже собственный порядок, потому что уже два летних сезона красавицы рассматривали себя в зеркало. Садовники зеркало не отбирали, понимая всю важность женских туалетов и ужимок. Обряд начинался с первой красавицы, Белоснежки, вообще-то на табличке у неё было написано «Принцесса Диана», она была названа так в честь знаменитой английской принцессы; её привезли недавно, и она, своей красотой, незлобивым характером и скромным поведением, сразу заслужила это звание и несла пальму первенства тихо и достойно.

«Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи –
Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее»

хором декламировали растения тоненькими стройными голосами, которые больше походили на шёпот игривого ветерка. Заклинание это знали только они и их садовник, маленький малаец, который понимал язык растений и нежно их обожал.

Белоснежка элегантно взяла зеркальце, посмотрелась в него, взмахнула длинными ресничками, поправила подбюбники и юбочки, ещё раз подкрасила щёчки пылью, совсем немножечко повертелась, рассматривая

свою прелестную спинку, и передала зеркальце дальше. Что только красавицы ни вытворяли! Надували щёчки, вытягивали губки, поправляли причёски и прихорашивались, а одна из них даже умудрилась присесть в низком реверансе, чем заслужила искренние аплодисменты своих подруг!

Оставим их в покое... и пойдём дальше по парку, потому что обряд зеркала будет продолжаться ровно до обеда. Растения знали и чувствовали время, вернее, его человеческие мерки, и придерживались их. Так сложился распорядок всего ботанического сада и жизни всех его обитателей.

Вторая зона называлась «Vir-орхидей», и сюда были свезены всевозможные орхидеи всей Юго-Восточной Азии. Здесь господствовал розовый, сиреневый, алый, малиновый, красный цвет – буйство красок и форм поражало всякое воображение.

Цветы сначала активно занималась утренней гимнастикой, потом цигуном – вдыхали и выдыхали воздух и поворачивались вправо и влево, разминая и укрепляя волокна, потому что день обещал быть очень жарким.

Затем начались коллективные занятия английским языком. Все орхидеи понимали малайский язык хорошо и решили, что нужно знать немного и английский, чтобы понимать высказывания и похвалы, произнесённые в их честь. Они уже выучили несколько слов: «Fine, beautiful, flower, green, stay, water». Сегодня они заучивали слова «Present, garden» и всё время отвлекались, потому что их смешил кот, красивый рыжий кот, который пришёл из центрального офиса и рассказывал свежие новости, прервав их урок английского.

– Открылся новый ботанический сад с галереей орхидей на китайском острове Хайнане, кроме того, там живёт в пруду огромная черепаха, которая гадает и предсказывает судьбу всем людям за тридцать юаней.

– В Испании, в городе Барселона, ботаники вывели новый сорт газона, который меняет цвет под цвет маек их футбольного клуба. На разработку этой программы было затрачено столько средств, сколько шло на содержание самого клуба за год.

«А это огромные евры!» – добавил кот, проявляя свою большую эрудицию. Растения знали, что такое юань, сингапурский доллар, американский доллар, потому что большинство из них было куплено за эти деньги, но что ещё за евры? «Ладно, при случае спросим», – сказала Диана, и орхидеи согласно закивали верхними листочками.

– В Гонконге объявлен Международный конкурс красоты орхидей в возрасте 3-5 лет, принимаются предварительные заявки по паспортам растений и видеороликам.

– Ах, мне бы в Гонконг! – тихо прошептала сиреневая красавица, которой в голову теперь не шли никакие новости. И все цветы расслышали это, а насмешник кот выгнул спину, расправил усы и подставил ей лапу: «Пойдёмте, я провожу вас в офис! Оформлять документы!» Сирень застеснялась и решила посоветоваться сначала со своим садовником – как это лучше сделать? Ведь ходить она не могла...

Замолчали и остальные цветы, видимо обдумывая эту ситуацию. Урок английского был успешно сорван, и офисный джентльмен куда-то смылся.

В умах и нервных системах красавиц теперь была полная неразбериха: большинство ломало голову над тем, как попасть на конкурс в Гонконг? Скромные и не такие броские на вид орхидеи размышляли: что такое футбольный клуб, потому что мяч футбольный они видели – дети играли в мяч на дорожках, но их тут же выпроваживали, потому что стоимость каждого растения составляла четырёхзначную цифру в сингапурских долларах.

Оставим нервных красавиц... и пойдём с вами дальше, в третью зону, которая называлась «Холодный павильон» и собрала орхидеи северных стран. Эти растения не могли расти в жарком климате и находились в огромном стеклянном павильоне, здесь поддерживался особый температурный режим и влажность.

А тут был полный переполох. С утра пришел гусь Чарльз, сам себя он именовал «сэр Чарльз», так как был назван в честь первого губернатора Сингапура, англичанина Чарльза Риффлза, который и основал этот ботанический сад. Необыкновенно нарядный, в белом смокинге и красивой красной бабочкой на шее, которая гармонировала с его лапами, да и можно ли было ЭТО назвать лапами? На взгляд цветов, это были настоящие мужские туфли отличной красной кожи, которые даже поскрипывали, а что форма расширена – то это цветам определённо нравилось даже... Чарльз служил старшим смотрителем на Лебедином озере и очень часто приходил к растениям, восхищался ими, говорил комплименты, нежно целовал некоторых своим широким клювом. Сегодня он был в особенном ударе, приятно пах мужским одеколоном «Хуго Босс», а из нагрудного карманчика элегантно торчал красный носовой платочек.

Орхидеи изо всех сил приподнимались, вытягивались, расправляли листочки, одна из них умудрилась даже чихнуть, чтобы привлечь внимание кавалера. А он был любезен и готов перецеловать всех осенних красавиц, но особенно заглядывался на орхидею, которая называлась официально «Королева Елизавета», названная в честь английской королевы, между собой цветы называли её Лиза. Она смущалась и краснела, опускала застенчиво ресницы и только от этого хорошела. Это заметили подружки, ну а сэр Чарльз достал откуда-то атласную ленточку красного цвета и повязал её вокруг шейки растения. Орхидеи дружно заоплодировали, хотя каждая в душе тихонько надеялась на особенное внимание этого галантного кавалера.

Комплиментаж был в полном разгаре, когда дверь павильона тихонько открылась и вошёл один из садовников. Растения отлично знали, зачем он пришёл – сейчас начнёт готовить кислородные коктейли и угощать ими растения. И внимание орхидей с птицы переключилось на человека – маленький малаец разводил коктейли, проворно наклонялся над каждым растением, приподнимал нижние листочки и травинки и неспешно выливал коктейль в гнездо растения. Это было так приятно, слышалось причмокивание и откровенное сопение при всасывании: все были довольны

– цветы, садовник и даже гусь сэр Чарльз, потому что в закрытой оранжерее разливался сладостный и пряный аромат, который кружил голову и навевал сладострастные мысли... Но вдруг Чарльза срочно вызвали на Лебединое озеро исполнять свои обязанности. Оказывается, у него был собственный сотовый телефон, маленький и красненький, и растения решили, что обязательно рассмотрят его в следующий раз.

Давайте и мы с вами пойдём дальше, в последнюю зону парка...

Она называлась «Сад бромелиевых», здесь были собраны орхидеи Центральной и Южной Америки. Дорожки парка причудливо извивались, выложенные красивыми плитками, малые скульптурные формы – цапли, утки, лягушки – красиво размещены в небольших фонтанчиках и озерах. Всё дышало красотой и покоем, и шумы огромного города совсем не проникали сюда, можно было подумать, что парк орхидей и есть библейский райский сад и что вот-вот за очередным поворотом покажется сам разомлевший Господь...

От центральной площади с фонтаном веером расходились аллеи, которые были оборудованы арками, увитыми яркими жёлтыми орхидеями. На фоне зелёной листвы, огромных пальмовых листьев, мостиков и переходов, арки с жёлтыми орхидеями казались пространственными тоннелями, уводящими в другие земли и времена. Ботанический сад был одним из самых старых садов мира, создан 150 лет назад, а парк орхидей организован только в 1995 году, занимал площадь 3 гектара, а орхидея, как цветок, был признан официальным символом Сингапура. Растения осознавали это вполне и гордились этим.

Около центральной площади, как раз на повороте, стояли два дерева, увитые испанским мхом, по ботаническому названию Тилландсия. Мох свисал с веток, весь закрученный-перекрученный очень красиво, и тихо покачивался. В этом-то мхе и была вся загвоздка и интрига. Обладая страстным испанским характером, будучи по природе своей пылким рыцарем и поклонником всего прекрасного, мох тянулся прямо к самому красивому цветку «Жоакин», которая пылала алой серединой и белоснежными округленными листьями и казалась испанцу настоящей Кармен... Его хозяин, серебристо-седое дерево, был недоволен стремлением своего подопечного к орхидеям, а вот подхозяин – огромная красивая ветка, не только старалась расти в сторону Жоакин, но ещё и низко наклонялась прямо к растению, так что наш идальго, с голубовато-зелёными кудрями, алым поясом на талии, производил неотразимое впечатление. Он жил и рос в воздушной стихии, любил играть с лёгким ветерком и покачаться на подхозяине, как на качелях, но как и почему его тянуло к наземному растению, он не совсем понимал, наверное, его ослепила красота Жоакин...

В этот день он был неудержим. У него созрела мысль станцевать перед цветами фламенко, древний танец испанцев, но как его танцевать, он, конечно же, не знал, но надеялся на свой темперамент и интуицию. И едва внутри него зазвучали ритмы, он ринулся вниз, вскинул верхние листья как

руки, стал перебирать нижними листочками как ногами, а его покровитель, подхозяин, неожиданно включился в танец и стал подстукивать мелкими ветками, сучками, чешуйками – получились настоящие кастаньеты, – танец стал более осязаемым, выпуклым и неистовым. Цветы стояли зачарованные и ошеломлённые одновременно, так красиво и так необыкновенно танцевал их идальго! Даже всегда бдительный хозяин и тот заворожено смотрел на этот бешеный танец, не говоря уж об остальных обитателях дерева, мхах и насекомых. Жарко стало всем, особенно танцору, никакого ветерка в полдень на площади не было. И вот в одном из порывистых поворотов, танцор оторвался от ветки, полетел вниз по касательной... и упал к ногам Жоакин!

– Ах! – закричали цветы.

– Ох, – вскрикнул подхозяин.

– Ой-ой-ой, – застонало дерево.

И только Жоакин была по-настоящему счастлива – её любимый рыцарь, во всём своём великолепии, лежал у её ног! Он ещё не осознал, что это конец, разглядывал так близко свою избранницу и осязал её аромат! Они были счастливы, эти двое, и совсем не понимали, почему так горестно все кричали. Время пролетело как одно мгновение, и Тилли стал увядать, закрылись устьица-глаза, поникли хватательные корешки и листья на тридцатиградусной жаре стали засыхать. Жоакин ничего не могла поделать и только роса, а может быть и слёзы, катились по бедному растению... Плакали и остальные орхидеи, тихонько-тихонько...

Дорогие друзья, пойдёмте на выход. Нам нужно ещё успеть осмотреть другие достопримечательности этого волшебного города, заселиться в гостиницу, а утром – на фуникулер и остров Сентозу!

Ночью снились орхидеи, их божественный аромат наполнял сон, а грусть по Тилли была светлой. В небе огромными зелёными буквами было написано:

«ВСЯ ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ ЗАВИСИТ ОТ РАСТЕНИЙ».

Сингапур – Новокузнецк
август 2014 г. – январь 2015 г.

Содержание

«Неосознанно и смутно...»	4
Поцелуй принца.....	5
Amore.....	10
Лужа счастья.....	15
Обыкновенная история.....	17
Метаморфозы	20
Приключения в НИРВАНЕ	32
Молитва	36
Парк орхидей.....	40

ЫМЗИЛШҮМЗИ

байхуэй

s.berzina

mail.ru

1,61803398..